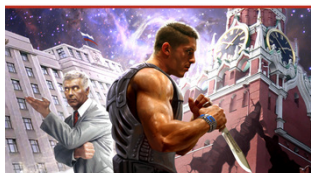

ВАСИЛИЙ
Grandmaster
ГОЛОВАЧЕВ

Смерч

Василий Головачев
Смерч
Серия «Запрещенная реальность», книга 7

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128522
Право жить: Эксмо; 2007
ISBN 5-699-20554-3

Аннотация

В попытке уничтожить Аморфа Конкере Стас Котов, оруженосец Воина Закона, терпит поражение и превращается в исполнителя воли Монарха Тьмы. Теперь Изменение реальности, в результате которого человечество может быть уничтожено, становится неотвратимым. Если не появится человек, готовый принять на себя миссию спасения. Однако, кроме способностей, нужны знания, кроме желания победить – умение воевать, кроме веры в успех – поддержка светлых сил. Даже если герой отыщется, успеют ли Посвященные научить его всему необходимому?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	40
Глава 7	49
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Василий Головачев

Смерч

Глава 1

ХАРА СЫЛГЫЛАХ

Первые алмазы в северных отрогах Енисейского горного кряжа, на территории нынешней Эвенкии, нашёл геолог Мамонтов ещё в конце девятнадцатого века. Много позже, весной тысяча девятьсот сорок восьмого года, геологической экспедицией Кураева в пробе галечников на притоках реки Ермокси, являющейся в свою очередь притоком Подкаменной Тунгуски¹, были также обнаружены алмазы. Общий вес найденных алмазов в те годы превысил две тысячи четыреста карат. А Тычанская алмазоносная россыпь, открытая в тысяча девятьсот пятьдесят втором году, могла дать в сотни раз больше. Кристаллы углерода встречаются там на всём протяжении «бриллиантовой» реки Тычана от устья до впадения в неё реки Сунгтапчу.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что Артур Суворов, ныне профессиональный путешественник и искатель приключений, некогда закончивший Дальневосточный университет по специальности «геологоразведка», но потерявший работу вследствие ликвидации регионального управления Дальнегорской партии, нашёл алмазы в аллювии реки Джелиндукон.

Находка эта его обрадовала и окрылила. В последнее время всё труднее становилось изыскивать средства для путешествий, отец резко сократил финансирование проектов сына, телекомпании стали платить за репортажи и съёмки на натуре мало, друг Тарас Король женился и тоже перестал спонсировать походы Суворова. Алмазы позволяли какое-то время жить безбедно и осуществить не одну экспедицию в места, куда редко забирались нормальные люди.

Артуру Владленовичу Суворову исполнилось двадцать семь лет. Он был невысок – метр восемьдесят с «миллиметром», но по-спортивному подтянут, жилист, гибок, быстр, голубоглаз, волосы – цвета платины, как говорила мама, обычно отпускал по плечи, бриться не любил, но бороду не отращивал. Ему шла «творческая небритость», свойственная некоторым мастерам культуры и нынешнему молодому поколению, не привыкшему строго следить за собой. Тем не менее Артур был обаятелен, его улыбка с ямочками на щеках покоряла женщин, и они его «колючесть» охотно прощали.

К этому моменту он успел дважды жениться и дважды развестись, хотя детей не имел. Из-за чего, впрочем, не переживал, а даже наоборот, считал, что с посадкой «цветов жизни» можно и не торопиться. Расходился он с жёнами легко, без напряжения и обид, благодаря своему умению выбираться из любой жизненной ситуации без потерь, а может, из-за природной живости характера. Он был умён, способен мгновенно оценивать информацию и отстаивать свои интересы. Кроме того, Артур не любил покоя, и вся его жизнь проходила в постоянном движении. Он быстро сходился с людьми и без особых сожалений с ними расставался, вследствие чего друзей – настоящих друзей, как говорится, до гробовой доски, не имел. Но и врагов не нажил, хотя часто шёл наперекор чьим-то интересам и расчетам. До открытых столкновений с теми, кого он «обошёл на повороте», не доходило, так как Артур умел сгла-

¹ Именно в этот бассейн свалилось ядро кометы, известной под названием Тунгусский метеорит.

живать острые углы и вовремя отступать, а угроз в свой адрес он не боялся в силу оптимизма и крепкого здоровья.

Рисковал Суворов часто, но удача, как правило, ему не изменяла. О будущем же он задумывался редко, справедливо полагая, что всё у него ещё впереди. А замечания деда Игнатия: когда перебесишься, за ум возьмёшься? – он считал обычным старческим брюзжанием, восходящим к домостроевским традициям и наставлениям.

На берег Подкаменной Тунгуски Артура привела жажда найти алмазную «трубу» и освободиться от зависимости денег. А причиной послужил рассказ двоюродного брата Чимкута Романова – Чимкут по матери был русским, его мать являлась родной сестрой отца Артура, а по отцу – эвеном – об алмазных россыпях, найденных по берегам рек Эвенкийского края. Так Артур Суворов сначала оказался в Туре, столице Эвенкии и географическом центре России, а потом на берегах Джелиндукона, в сопровождении эвенка-проводника Увачана, согласившегося по просьбе Артурова брата показать гостю «край, отмеченный небом».

Алмазы они нашли на десятый день путешествия вдоль русла реки, шестого июля. Каким бы неопытным геологом Артур ни был, он всё же мог отличить ультраосновные горные породы от обычных и определить признаки если и не кимберлитовой трубки, то промежуточного коллектора, как называли коренное месторождение драгоценных камней геологи.

Конечно, найденные кристаллики розоватого и сероватого цвета весом от пяти до одиннадцати карат на вид казались невзрачными и недорогими, но после огранки они должны были заиграть радужными переливами и радовать глаз. А цену огранённых алмазов Артур представлял.

– Моя такой находил, однако, – сказал эвенк Увачан, невозмутимо посасывая трубку. – Давно. Магазин сдавал. Платить мало.

– Ничего, мне заплатят больше, – легкомысленно отмахнулся Артур, уже прикидывая, кому в Москве покажет алмазы. – Тебе тоже достанется, на машину хватит.

– Зачем моя машина, э? – пожал плечами меднолицый охотник. – Олешки есть, однако. Тайга машин не ходит. Я парат огненный вода купить.

– Зачем тебе самогонный аппарат? – удивился Суворов. – Ты же самогон не потребляешь.

– Китайцы продавать буду, они любить самгон, однако.

– Хитришь ты что-то, старик, не слышал я, чтобы китайцы пили наш самогон. Но это твоё дело, тоже бизнес, в принципе, лишь бы менты не загребли. Пошли ещё пару шурфов долбанём.

За три дня после находки первых алмазов они вырубili в галечнике полсотни ям, добыли ещё около четырёх десятков алмазов, и везение кончилось. Камни перестали попадаться напрочь.

– Домой, однако, пора, – посоветовал Увачан. – Шибко комары олешков есть.

Артур хотел было в исследовательском азарте вернуться к верховью Джелиндукона, проверить его боковые осыпи, но потом подумал, что экспедиция и без того удалась, и согласился. Да и комары действительно одолели, несмотря на наличие современных отпугивающих средств – от фумитоксовых спреев до ультразвуковых свистков.

– Никому не говорить, паря, – сказал эвенк, когда они вернулись в лагерь. – Нехорошие люди много, завидовать всегда, убить даже.

– Завистников и в самом деле много, – кивнул Артур, ссыпая найденные алмазы в кисет. – Нам проблемы ни к чему, будем держать язык за зубами. У меня с собой есть пузырь столичной огненной воды, давай выпьем по глотку, за удачу?

– Давай, – оживился Увачан. – Твоя брат угощать давно, тепло внутри, легко, голова летать, я любить.

– Да уж, иногда голова действительно улетает, – засмеялся Артур, – поэтому надо знать меру.

Они выпили по полкружки кристалловского «белого золота», закусили жареным сигом и полюбовались закатом, предвещавшим скорую смену погоды. Осень в этих местах началась рано, в середине августа, а в связи с глобальным изменением климата и вовсе невозможно стало предсказать, какой она покажет нрав. Самодеятельным «геологам» ещё повезло, что с начала июля выдалась хорошая погода, дожди были редкими, а внезапные ночные похолодания и вовсе отсутствовали.

– Гость, однако, – сказал вдруг Увачан, шуря и без того узкие глаза, – байё, женщина.

– Где? – не поверил Артур, у которого от выпитого немного кружилась голова.

– На том берегу, в ерике. Камень большой видишь?

Суворов сфокусировал зрение и в самом деле за камнем на другом берегу реки, где начинался колючий кустарник, заметил фигурку в белом. Достал из палатки бинокль.

Проводник не ошибся. Это была женщина в странном белом одеянии, напоминающем плащ-накидку. Волосы у нее были тоже белые, то ли седые, то ли совсем светлые, лицо красивое, но измученное, и лишь под широкими бровями горели удивительным внутренним огнём зелёные глаза, наполненные страданием и болью. Она почувствовала, что на неё смотрят, подняла лицо, и Артур отшатнулся, получив самый настоящий удар в лоб.

– Твою мать!

– Маган кырдай, о! – прошептал эвенк с суеверным страхом. – Колдуй-баба, белая ястребица, однако... не смотри глаза, денька станешь...

– Кем-кем?

– Слепой совсем... не понимать ничего... яррын голова, слабый...

Артур снова навёл бинокль на скалу, но женщину там уже не увидел. Она исчезла как привидение. И только взгляд её остался в памяти, тоскливый и одновременно вопрошающий, удивлённый, исполненный необычной внутренней силы. Интересно, чему она удивилась, увидев геолога и его спутника на берегу реки?

– Куда она подевалась?

– Маган кырдай летать и по воде ходить. Плохо встретить, однако. Домой надо быстро-быстро.

– На ночь глядя? Утром двинемся. Да и не боюсь я никах ваших колдуний местных, нету их, легенды одни.

– Не легенды, однако. Сам видел. Хороший маган и плохой совсем. Шаман томтуха встретить и болеть, потом умирать.

– Инфекцию небось подхватил и умер, – проворчал Артур, ворочая окулярами бинокля. – У вас тут никакой санитарии, живёте как два века назад, разве что телевизоры в чумы поставили.

– Живём, – не обиделся Увачан.

Солнце село. На лес упала темнота. Комары повалили гуще.

Артур брызнул на себя из баллончика с фумитоксом, постоял у обреза воды, глядя то на вызвездившее небо, то на лес за рекой, потом полез в палатку. Ни с того ни с сего заболела голова. Он попробовал бороться с болью с помощью медитации и не заметил, как уснул.

Ночью проснулся в поту, не понимая, что с ним и где он находится, прислушался к тишине за стенками палатки, попил холодной родниковой воды, успокоился, уснул снова. И приснился ему удивительный сон, до жути реальный, объёмный и цветной.

Он стоял на плоской вершине скалы, торчащей недалеко от толстой стеклянной стены, разделявшей равнину надвое. Вправо и влево уходила цепочка таких же скал, похожих на застывших каменных стражей. По эту сторону стены равнина была живой, зелёной, поросшей густой травой и ползучим кустарником, по другую мир был сер, тускл, прокопчен, по

угрюмой холмистой равнине с чёрными провалами кратеров и ям бродили слоистые белёсые дымы, сквозь которые изредка проносились некие призрачные тени, а иногда проглядывал лик кошмарного зверя, похожего на дракона и на человека одновременно.

Небо этого мира было фиолетово-чёрным, в отличие от густо-синего небосклона, раскинувшегося над зелёной половиной равнины. А вот солнце оказалось единым для обеих половин, разделённое точно посередине всё той же колоссальной, уходящей в бесконечность, стеклянной на вид стеной. Только цвет половинки, освещавшей зелёную, живую часть равнины, был желтым, с оранжевыми протуберанцами, а относящейся к страшному – «адскому» миру – багровым, с чёрными оспинами.

На равнине из-за дальнего холма появились всадники на необычного вида животных, имеющих сходство с верблюдами и слонами. Они приблизились к стеклянной стене, спешили. Мужчина, одетый в облегающий тело серебристый костюм со множеством выпуклых ромбов, вытащил из-за спины сверкнувший меч, шагнул к стене. Женщина – Артур, холодея, вдруг понял, что она очень похожа на увайю, эвенкийскую колдунью, которую они с Увачаном встретили на берегу, – одетая в белый пушистый костюм, догнала спутника, потянула за руку, остановила.

Они начали о чем-то спорить, поглядывая на стену, потом мужчина все-таки настоял на своём и снова двинулся к стене. Женщина опустила на корточки, закрыв лицо ладонями. Мужчина оглянувшись, что-то сказал, ткнув пальцем в «коня». Женщина поднялась, побрела назад, сгорбившись, забралась на «верблюдослона».

Мужчина наконец дошёл до стены, в задумчивости склонил голову, смущённый, очевидно, реакцией спутницы. Потом решительно взмахнул мечом и полоснул по стене.

Раздался гулкий треск.

Стена в месте удара покрылась сетью трещин, выгнулась, на землю посыпались искры и дымящиеся осколки стекла, испаряющиеся на глазах.

Мужчина ударил мечом ещё раз.

Грохот, взрыв!

Во все стороны полетели свистящие молнии, в стене образовалась рваная расширяющаяся брешь, из которой на зелёную равнину хлынули полосы тумана, заставив меченосца отступить. А затем из дыры показалась жуткая морда зверя с горящими узкими глазами, похожая и на лицо человека, и на морду дракона.

Мужчина вытянул вперёд засиявший меч.

Зверь в ответ выдохнул клуб дыма и яркого пламени, и мужчину отнесло назад сразу на полсотни метров. Он вскочил на ноги, поднял меч над головой, и тот создал своеобразный купол из голубых извилистых молний, защитивших владельца от новой атаки зверя. Меч вытянулся, превратившись в копьё, воткнулся в морду зверя, оставив дымящийся шрам. Но зверь махнул лапой, отбил копьё и выдохнул облако не то сизого пара, не то бурлящей жидкости, накрывшее воина с головой.

Тому удалось разрубить это странное вихрящееся облако, сбросить и рассеять его верхнюю половину, в то время как нижняя часть тела воина оставалась погруженной в кипящий пар.

Женщина закричала, направляя «коня» к спутнику, но он обернулся, крикнул в ответ: – Уходи!

Зверь окончательно выбрался из дыры, поднялся во весь рост над равниной – ни на что не похожая апокалиптическая фигура с колышущимся, вспухающим и опадающим телом и множеством корявых лап. Протянул одну из лап к женщине.

Мужчина извернулся, ударил по лапе мечом, отрубая её.

Зверь оскалился, заревел, превращаясь на мгновение в пульсирующее фонтанам пара облако, и снова плюнул в противника сгустком дыма. Мужчина скрылся внутри этого сгустка, прорубил в нём окно, но больше ничего сделать не сумел.

– Уходи! – прилетел его стихающий хриплый крик.

Затем облако окончательно спеленало воина паутиной белесых струй, он исчез.

Женщина повернула коня, помчалась прочь от места непонятного сражения, то и дело оглядываясь.

Одна из лап монстра потянулась было за ней, догнала, но схватить не успела: женщина исчезла вместе с своим «верблюдослоном», растаяла в воздухе... и Артур проснулся.

Подхватился на локтях, дыша как после бега на сто метров, весь в поту, ощущая чужой страх и чужую боль, лёг на спальник обратно. Но уснуть так и не смог, промаялся до утра, вспоминая сон подетально. Раньше он спал крепко и бестревожно, как младенец, забывая сны уже через минуту. Однако этот сон, закончившийся боем неизвестного воина с вырвавшимся на свободу монстром, был настолько подробен, что казался эпизодом реальной истории. А наваян он был явно встречей с женщиной на берегу Джелиндукона, уж очень она походила на беглянку из сна, спутницу погибшего воина, успевшую чудесным образом спастись.

В палатку заглянул Увачан, как всегда невозмутимый и бесстрастный, выглядевший так, будто и не ложился вовсе.

– Олешки беспокойся, однако, надо быстро ехать. – В глазах эвенка зажёгся огонек, он заметил состояние спутника. – Э, сон плохой видеть?

– Скорее странный, – промычал Артур, начиная одеваться; спал он обычно в одних трусах. – Ты-то чего поднялся ни свет ни заря?

– Чують яккивана, – в нос проговорил охотник.

– Чего ты учуял?

– Бурча-каан и дьяжил-каан. Плохой духи близко, ехать надо.

Артур вылез из палатки, поёжился, – температура воздуха под утро снизилась до плюс пяти градусов, – посмотрел на занявшуюся зарю, и в извилистых полосах облаков над зубчатой линией леса увидел контуры зверя из сна. Вздрогнул, поёжился еще раз. Показалось, что кто-то пристально посмотрел ему в спину через прорезь прицела и готов спустить курок. Оглянулся: никого.

– Хренов сон!

– Духи смотреть, однако, – понимающе осклабился Увачан. – Хара суорун и хара сылгылах. Очень злой, очень страшный. Надо ехать быстро.

Артур потянулся было к прикладу карабина, торчащему из внутреннего кармана палатки, но передумал, заставил себя успокоиться.

– Собирайся, едем.

Через полчаса они пили чай у костра, посматривая на беспокойно ведущих себя оленей. Лагерь был свёрнут, можно было возвращаться в Туру.

Внезапно Увачан хлопнул себя ладонями по лбу.

– Эх, старый луун, надо быть собак взять!

– Ты чего? – удивился Артур, не понимая охотника.

И вдруг снова почувствовал знакомый угрожающий взгляд.

Вскочил, напрягаясь, метнулся к оленям, выдернул из седельной сумки карабин.

В лесу на другом берегу реки шевельнулись кусты, и на галечник мягко вытек – буквально как струя жидкой гуттаперчи – громадный зверь, помесь тигра, удава и таракана. Ткнулся носом в валун, возле которого недавно стояла женщина в белом, поднял уродливую голову и посмотрел на оторопевших людей.

– Хара сылгылах! – прошептал эвенк, падая лицом в траву и закрывая затылок ладонями.

Артур сглотнул, держась за карабин, начал тихонько поднимать ствол.

Зверь сверкнул узкими яркими желтыми глазами с вертикальными зрачками, качнул головой, словно предупреждая: не надо стрелять, дружок, не поможет тебе карабин, – ещё раз нюхнул камень и тем же манером скользнул в кусты, бесшумно, плавно, неодолимо, как живой поток жидкого металла.

Давление чужого взгляда на голову снизилось, исчезло.

Артур опустил карабин, смахнул выступивший на лбу пот, глубокомысленно изрёк:

– Пора завязывать с алкоголем, мистика уже всякая начинает мерещиться.

При этом он был совершенно уверен в своей адекватности, да и реакция Увачана подтверждала тот факт, что страшный зверь («хара сылгылах», однако) ему не померещился.

– Вставай, старик, – похлопал Артур охотника по плечу, – убрался твой злой дух, не стал нас есть, не понравились мы ему.

Эвенк забормотал что-то под нос, трясся головой, потом подхватился на ноги, погнал оленя вдоль берега реки.

Артур хмыкнул, сполоснул лицо речной водой, поглядывая на камень, ставший свидетелем двух странных встреч, и направился вслед за проводником. Думал он о том, что такие встречи плюс удивительно яркий сон неспроста. Ему было дано некое знамение, намёк на какую-то иную жизнь, далёкую от обыденной, но понять, что это означает, Артур был не в состоянии. В леших и домовых Суворов не верил, суеверным не был, считая, что все описанные литературой «потусторонние» силы, колдуны и маги являются всего лишь способом заработать имидж или заинтересовать обывателя. Впрочем, существовал ещё один вариант объяснения случившегося: он стал случайным свидетелем абсолютно не касающихся его событий, происходящих вполне реально в местах, не доступных простому смертному. Ведь не остановись он на берегу Желиндукона в поисках алмазов, так, наверное, и не увидел бы ничего и жил бы себе спокойно, как остальные мирные граждане России, верхом удовольствия считавшие телепередачи типа «Последний герой».

Снова заболела голова. Перед глазами встал образ женщины в белом, выглянувшей из-за камня.

Может быть, тот зверь (Артур содрогнулся) её преследовал? Недаром же он обнюхивал камень и береговой откос. Интересно, что это за зверь? Реликтовый динозавр, сохранившийся в этих местах со времён мезозоя? Эдакое «лохнесское», точнее, тунгусское чудовище? Или уцелевший член экипажа взорвавшегося над Подкаменной Тунгуской звездолёта (есть и такая версия), известного под названием Тунгусский метеорит?

Артур усмехнулся, получил укол боли в висок, выругался шёпотом.

Собака бешеная! Уж не заболел ли он? Чем? Простудился? Подхватил местную инфлюэнцию? Комарики ведь его кусали разные, мог и малярийный попасться. Только этого нам не хватало...

Он догнал Увачана.

– Дедушка, у вас тут малярией никто не болел?

Охотник оглянулся, глаза у него были чёрные и блестящие, его трясло.

– Увайю приходить, беда быть, совсем пропадать...

– Что ты там бормочешь? Живы будем, не помрём. А зверь и правда был страшненький, я таких не видел.

– Хара сылгылах, злой дух, однако, порчу наводить, плохо всем быть...

– Прекрати шаманить! – прикрикнул на эвенка Артур. – Раз он нас не тронул, значит, сам испугался. Всё будет хорошо. Я знаю, ты умеешь людей лечить, полечи меня, башка трещит.

Увачан внезапно успокоился, перестал дрожать, проворно достал фляжку с водкой из-под меховой накидки (в ней он ходил даже в самую жару), хлебнул. Глаза старика перестали казаться оловянными пуговицами, в них заискрилась жизнь.

– Ты великий мээрген! – торжественно заявил он. – Хара сылгылах испугать! Маган кырдай испугать! Алмазы находить. Ты великий углах мээрген!

– Хорошо, хорошо, согласен, – скривил губы Суворов, – только вот голова болит, как с похмелья.

Увачан покивал, обошёл его кругом, потёр ладонь о ладонь и приложил ко лбу и затылку. Запел что-то на своём языке. Через минуту голова Артура прояснилась.

– Спасибо, колдун, – с облегчением выпрямился он. – Научил бы ты меня своему мастерству, а? Я бы за ценой не постоял.

– Отец учить мне, – поднял палец к небу эвенк. – Слово знать, свобода быть, духи говорить, долго учить, однако.

– Это я понимаю, – вздохнул Артур. – С детства учиться надо. Ладно, поехали, и в самом деле надоело комаров кормить, пора в цивилизацию. Да и с тем зверем неохота ещё раз встречаться. Как ты его назвал? Хара сылгылах?

Увачан изменился в лице, сделал изрядный глоток обжигающей горло жидкости и заторопился к своему оленю.

В Туру они вернулись без особых приключений спустя неделю после встречи со «злыми духами», преодолев по тайге около трёхсот километров.

Глава 2

НЕ ПОРА ЛИ ЗА СТАРОЕ?

Приснился странный сон накануне праздника Чура, бога-покровителя границ и семейного очага, и Василию Никифоровичу Котову, во младенчестве – Балуюеву, бывшему контрразведчику-ганфайтеру, перехватчику-волкодаву и комиссару «чистилища», свернувшего свою работу после встречи с Матвеем Соболевым в «розе реальностей».

Соболев, недолгое время замещавший инфарха, верховного координатора иерархов, исполнил обещанное, нейтрализовал Истребителя Закона, или, как его ещё называли, Ликвидатора Круга. Охота за Посвящёнными в дела Внутреннего Круга прекратилась.

Исчез куда-то и Герман Довлатович Рыков, Посвящённый II ступени, президент Купола, метивший в абсолютные властители земной реальности и даже всей «розы». Купол сократил свои ряды, частично ушёл в подполье, частично замаскировался под государственные структуры и «добропорядочные» фирмы. В результате ККК, или «команда контркрим», или ещё точнее – «чистилище», перестало выполнять функции «восстановителя закона возмездия» и приостановило свои операции – бандлики, надеясь, что её услуги обществу больше не понадобятся.

Вахид Тожиевич Самандар, генеральный комиссар «чистилища», ушёл с головой в научную работу, стал директором Международного института боевых искусств (бывшего МИЦБИ) и о себе напоминал редко. Да это было и понятно, так как женщина, которую он любил, стала женой Василия Никифоровича. Сам же Котов с удовольствием окунулся в семейную жизнь, сыграв свадьбу с Ульяной Митиной. Спустя почти год у них появился ребёнок – сын, которого они называли Матвеем в честь Матвея Соболева.

Василий мог бы и не работать, пользуясь наследством бывшего кардинала российского Союза Неизвестных Юрьева, дочь которого Мария вышла замуж за Стаса Котова. Юрьев оставил дочери крупные счета в банках России и за рубежом, которыми она и воспользовалась, переведя суммы на счета мужа и его воспитателя, Котова-старшего. Однако сам Василий Никифорович сидеть сложа руки не любил, организовал компанию по производству и сбыту пластиковой посуды, стал её президентом и о своём будущем беспокоиться перестал.

Куда подевался Юрий Венедиктович Юрьев, не знал никто, в том числе и его дочь. Впрочем, они со Стасом, владея тхабсом и «мечом-устранителем препятствий», всё чаще переходили границу «розы реальностей» и уносились в неведомые миры, подчиняясь властному зову тайны. Что они искали, можно было только догадываться.

Первое время Василий Никифорович переживал, когда Стас и Маша не возвращались по две-три недели кряду из своих походов, потом привык. Стас был человеком серьёзным, учебу в физтехе бросать не собирался, планировал стать Посвящённым высших ступеней Внутреннего Круга человечества, «круга великого молчания», как его называли, и за его судьбу можно было не волноваться.

Правда, по сведениям Котова-старшего, сам Круг, изначально созданный для стабилизации социума, добычи новых знаний, сохранения старых и нейтрализации опасных, практически перестал существовать в результате войны с Ликвидатором. Две тысячи лет назад он сначала раскололся на Хранителей и Собирателей, а потом последние разделились на иерархов, экспериментирующих на «лепестках» «розы реальностей», и на корректоров уже существующих миров. Те из них, что были послабее, стали членами Союзов Неизвестных, управляющих жизнью государств Земли, что посильнее – ушли «выше», чтобы изменить замыслы Архонтов и самых древних обитателей Материнской реальности – Аморфов. Именно они укротили Аморфа Конкере, претендующего на главенствующую роль в иерархии «розы

реальностей», названного Хранителями Монархом Тьмы, захватили его и заточили в одном из подуровней «розы», ограничив свободу и возможности вмешательства в жизнь реальностей. Хотя изредка ему всё же удавалось подчинить себе того или иного иерарха или члена Союза Неизвестных, отчего жизнь в Материнской реальности, в том числе и на Земле, резко изменялась.

Впрочем, подробности деятельности иерархов – Аморфов, Архонтов и Ангелов, да и Мастеров тоже, каким стал сам Василий Никифорович, его не волновали. Он успокоился, перестал интересоваться высшими материями и зажил полной жизнью довольного судьбой человека. Лишь одно обстоятельство портило ему иногда настроение: обещание, данное Матвеем Соболеву, – найти и покарать Рыкова. Однако маршал Купола исчез, а заниматься его поисками Василию Никифоровичу было недосуг. Отказав Юрьеву участвовать в воссоздании Союза Неизвестных России, Котов отошёл – как он сам считал – от деятельности Круга и не претендовал на какие-либо привилегии, награды и власть. Тайно управлять бытием российского социума ему не хотелось.

Правда, изредка в нём просыпался искатель приключений, каким он был во времена службы в контрразведке, а потом в спецназе ФСБ, и Василий Никифорович, свободно управлявший тхабсом, переносился в иные слои-миры «розы реальностей», бродил по равнинам Венеры (тхабс обладал и функциями защиты владельца), плоскогорьям Марса, ледяным метановым полям Титана, уносился еще дальше – к звёздам, и везде натывался на следы былых войн, потрясших «розу» и потрясавших, как оказалось, её до сих пор.

К примеру, однажды он стал свидетелем боя между армадами космических кораблей, принадлежащих разным разумным существам, и вернулся в тягостной задумчивости, вдруг осознав, что войны за власть ведутся постоянно, а кто в них побеждает – светлые или тёмные силы, оставалось неизвестным. Надо было что-то менять в «генеральном плане развития Вселенной», однако заняться этим Котов не рвался.

Ульяна вполне разделяла чувства мужа, но она стала матерью и тоже не стремилась участвовать в корректировке бытия – российского и мирового. Её больше занимало воспитание сына, его здоровье и судьба.

Они переехали в новостройку на Карамышевской набережной, имевшую охраняемую территорию, обустроили четырёхкомнатную квартиру по своему вкусу и зажили вполне комфортно, незаметно отделившись от общества, того общества, устои которого недавно защищали с риском для жизни. Конечно, оба продолжали встречаться с «рядовыми» гражданами, не подозревающими, что существует ещё один слой жизни, о котором они ничего не знают, но Василий Никифорович перестал проникаться их заботами и тревогами. Не очерствел душой, нет, просто изменил свои взгляды на жизнь. Хотя, если честно, ему иногда казалось, что отдых – в каком-то смысле – после всех потрясений и боёв с криминалом он заслужил и что он имеет право не думать какое-то время о восстановлении справедливости и каких-то там законах возмездия.

А сон ему приснился и в самом деле странный.

Всадники на необычного вида животных, двое – мужчина и женщина. Мрачная холмистая равнина, изрытая кратерами и провалами, покрытая чёрной и ржавой коростой, будто здесь недавно бушевал пожар. Угрюмый замок на горизонте, навевающий тоску и смуту. Примерно так выглядел бы толкиновский Мордор. Или сгоревшая крепость Инсектов.

Последняя мысль заставила Василия Никифоровича пристальнее всмотреться в торопливо спускающихся к реке всадников, но в этот момент из-за горизонта вынеслась длинная стая огромных птиц, формой напоминающая дракона, и бросилась на всадников.

Мужчина вытащил сверкнувший льдистым огнём меч, стал отбиваться от птиц. Впрочем, это были не птицы – гигантские насекомые, похожие на саранчу.

Женщина загородилась от них плащом, потом бросилась в реку, исчезла.

Мужчина некоторое время оборонялся, каждым взмахом сияющего меча проделывая просеки в туче саранчи, но в конце концов скрылся под массой навалившихся насекомых...

И Василий Никифорович проснулся с ясным пониманием того, что со Стасом и Марией случилась беда. Хотел было тихонько встать с постели и пройти в кабинет, но Ульяна вдруг повернулась к нему лицом, прошептала:

– Что тебе снилось? Ты кого-то звал.

Василий Никифорович присел на кровать, помял лицо ладонями.

– Я видел двух всадников, мужчину и женщину, они сражались с тучей огромной саранчи.

– Стас и Маша?!

Котов усмехнулся.

– Ты понимаешь всё с полуслова. Не знаю... может быть, это были они.

– С ними что-то случилось! Их нет уже больше месяца!

– Вернутся, никуда не денутся. – Слова прозвучали фальшиво, неуверенно, и Василий Никифорович рассердился на самого себя. – Они великолепно оперируют тхабсом, и с ними синкэн.

– Всё равно я бы поискала их в «розе».

– Подождём пару дней, я разберусь с делами и схожу в «розу». Спи, рано ещё.

– Разве ж теперь уснёшь...

Василий Никифорович подошёл к маленькой кровати сына, поправил простынку, вышел на кухню. Шёл седьмой час утра, но ложиться досыпать уже не стоило. Мысли в голову лезли самые тревожные, и он знал, что причина их – долгое молчание Стаса. Парень никогда не позволял себе задерживаться в «розе» так долго, а раз он не явился ещё две недели назад, значит, для этого имелась веская причина. Может быть, им с Машей встретился кто-нибудь из уцелевших иерархов? Или сам Рыков?

Василий Никифорович невольно сжал кулаки.

Рыков, Рыков, кардинал Союза, маршал Купола... куда же ты подевался, нелюдь позорная?! Где скрываешься? Что делаешь? Какую пакость обдумываешь? Не пора ли заняться твоими поисками вплотную?

На кухню пришла Ульяна в халатике.

– Кофе сварить?

– Лучше чайку и бутерброд с брынзой.

Василий сделал зарядку, умылся, позавтракал с женой, обмениваясь впечатлениями прошедшей Олимпиады: оба болели за российскую сборную, – но мысли о судьбе Стаса и Маши мешали чувствовать себя комфортно, и разговор не получался. Потом проснулся Матвейка, Ульяна принялась возиться с сыном, и Василий Никифорович двинулся на работу с плохим настроением.

А в десять часов утра к нему в кабинет – офис компании Котова находился недалеко от метро «Баррикадная», – заявился Вахид Тожиевич Самандар собственной персоной.

Удивлённый и обрадованный неожиданным визитом, Василий Никифорович встал из-за стола, они обнялись.

– Садись, комиссар. Вот уж кого не ждал сегодня в гости. Охрана тебя видела?

– Нет.

– Я так и думал. Чай, кофе, минералка, коньяк, шампанское?

– Чай, зелёный.

– Привычки свои ты не меняешь. Впрочем, я тоже, хотя в потреблении напитков я более демократичен. Ничего, если тебя увидит секретарша? Или мне самому чай варить?

– Я не являюсь агентом спецслужб.

Василий Никифорович вызвал секретаршу Катю, изумлённо глянувшую на гостя, попросил чаю. Девушка вышла, растерянно оглядываясь на невозмутимого Самандара, одетого в бежевый щегольский летний костюм и белые туфли. В отличие от него Котов выглядел в своих джинсах и ковбойской распашонке как редактор мелкого издательства.

– Не знаешь, где нынче Юрьев?

– Год не видел, – покачал головой бывший генеральный комиссар «чистилища». – Зато я вычислил Рыкова.

Василий Никифорович подобрался, пристально посмотрел на друга и соратника. Сердце заколотилось о рёбра так сильно, что впору было глотать корвалол.

– Где он?!

Вошла Катя с подносом, расставила чашки, вышла.

Самандар занялся чаем.

– Где он? – повторил вопрос Котов, сдерживаясь.

– Не поверишь, он сейчас зампред Госдумы.

Василий Никифорович с недоверием заглянул в непроницаемые карие глаза Вахида Тожиевича.

– Не может быть! Я видел зама председателя Думы по телевизору, это другой человек.

– Рыков изменил внешность. Я проанализировал обстановку в социуме, все последние политические рокировки, финансовые потоки, формирование партийных эгрегоров и... короче, Герман сделал финт ушами, замаскировался, продолжая командовать парадом, и никого не боится.

Василий Никифорович достал из бара початую бутылку водки «Абсолют», плеснул в стакан, залпом выпил.

– Ты уверен?

Самандар вытащил из кармана дискету, щелчком послал собеседнику.

– Здесь все расчёты и выкладки.

Василий Никифорович повертел дискету в руках; пальцы дрожали.

– Я чувствовал, что он где-то рядом... и всё равно не верится.

– Поставь, посмотри.

– Я тебе верю... посмотрю, конечно. И всё же... почему он забыл про нас? Почему не стал преследовать?

Самандар усмехнулся.

– Мы стали беззубыми, старик. Мы ушли из *системы*. Мы решили, что война закончилась, что победа за нами, что жизнь нормализовалась, всё хорошо и можно отдохнуть. Но это далеко не так.

– Что ты хочешь сказать?

Вахид Тожиевич достал ещё одну дискету, бросил Котову.

– Это расчёты и прогнозы состояния социума. Нашего, российского, разумеется. Он резко криминализировался, ушёл «под крышу» государства, сменил методы влияния и способы воздействия на отдельных чиновников и власть в целом. Это видно даже по той литературе, которая нынче издаётся и востребована.

– А что издаётся?

– В первую очередь боевики, в том числе фантастические, детективы, криминальные драмы, маргинальные романы и сексопатологические измышления, порнография.

– Я не читаю боевиков...

– А зря, очень поучительное чтиво, весьма наглядный срез того, чем мы живём на самом деле. Налицо кризис социума, Никифорыч, хотя это мало кто понимает: чем дальше в будущее, тем дальше отодвигаются планеты и звёзды, всё дороже становится путь в космос, да и жизнь вообще.

– Что ты предлагаешь?

– Пора выходить из спячки, мастер. Нам на смену никто не пришёл. Купол укрепил свои позиции. Из всех щелей полезла на свет божий всякая нечисть, не получая отпора ни на одном из уровней. Надо срочно менять порядок вещей.

Котов покачал головой.

– Те рецепты, которыми мы пользовались раньше, не помогают, это очевидно.

– Мы выработаем новые. Пора изменить систему власти в стране, взорвать Купол изнутри. Сегодня это глубоко эшелонированная антигосударственная антинародная структура. К правительству не подобраться, все подходы к нему со стороны позитивных сил перекрыты, поэтому таким карманным правительством легко управлять.

– Кому?

– Тому же Рыкову, а через него – нашему знакомцу Конкере. Кстати, по моему убеждению, Монарху Тьмы удалось каким-то образом вырваться из той «запрещённой реальности», куда его упекли adeпты Круга, и он взялся за старое, то есть за передел мироустройства.

Василий Никифорович вспомнил свой сон.

– С чего ты взял?

– Я брожу по «розе»... иногда... собираю информацию. По моим сведениям, там началась новая охота за иерархами, что скоро отразится и на Земле.

Котов посмотрел на бутылку водки на столе, поколебался, спрятал в бар.

– Ты случайно Стаса с Машей не встречал?

– Нет, – качнул головой Самандар. – Но по некоторым косвенным данным, они двинулись в сторону пакета заблокированных реальностей «розы».

– На самом «дне» которого прячется тюрьма Монарха, – глухо сказал Василий Никифорович.

– Да.

Они посмотрели друг на друга.

– Дьявольщина! – ударил кулаком о ладонь Котов.

– Спокойно, Никифорыч, эмоциями делу не поможешь. Давай восстанавливать «чистилище», но работать не по низам, а по верхам. «Рыба» нашей власти гниёт с головы, вот её и надо чистить. Ты телевизор когда последний раз смотрел?

– А что?

– Есть такая программа по ТВЦ – «Сияние истины».

– «Караул-программа»...

– Точно, её называют и так. Это очень хорошо организованная утечка информации из криминальных структур, в том числе – очень высокого полёта. Надо использовать её базу, а также секретные доклады Счётной палаты, и работать по высшим чиновникам государства, проявившим себя как полные мерзавцы. Уверен, мы быстро наведём порядок.

– Сомневаюсь.

– Думай. – Вахид Тожиевич поднялся. – Голова – не роскошь, не средство для поедания пищи, как считает большинство, головой думают.

– Спасибо за информацию, – улыбнулся Василий Никифорович. – Ещё вопрос... о Рыкове... Ты действительно веришь, что он в Думе?

– Теперь его зовут Марат Феликсович Меринов. Кстати, там же, в Думе, я встретил его секьюрити, который очень не хотел, чтобы его узнали.

Самандар помахал рукой хозяину кабинета, направился к выходу и, не дойдя одного шага до двери, исчез.

Василий Никифорович склонил голову к плечу, разглядывая ковёр, на котором только что стоял генеральный комиссар ККК, подумал, что секретарша сильно удивится, когда обнаружит, что гость пропал без следа, но мысль тут же исчезла. Он подсел к столу, включил

ноутбук. Посидел немного, глядя на засветившийся экран, и напечатал: Герман Довлатович Рыков – Марат Феликсович Меринов.

Экран вспыхнул ярче, в левом верхнем углу загорелся и погас значок алого цвета в форме паучка – китайский иероглиф цюань, код вызова Монарха Тьмы, и надпись пропала!

Василий Никифорович озадаченно потёр переносицу, не понимая, что случилось. Снова пробежался пальцами по клавиатуре.

На этот раз ничего особенного не произошло, имя Рыкова осталось на экране, только при этом Котову стало казаться, что экран *смотрит* на него, внимательно и оценивающе.

Василий Никифорович оскалился, показал ноутбуку кулак и напечатал: «Станислав Котов, Воин Закона!»

Компьютер словно бы поперхнулся, мигнул, взгляд втянулся в него, как струйка дыма в рот курящего.

– Так-то лучше, – пробормотал Василий Никифорович, понимая при этом, что иероглиф цюань показался ему неспроста: компьютер Котова явно контролировался эмиссаром Конкере, может быть, даже самим Рыковым-Мериновым.

– Ну погоди, сивый Меринов! – сквозь зубы проговорил Василий Никифорович, ещё не приняв окончательного решения. – Я тебя найду!

До вечера он решал рутинные рабочие проблемы компании, провёл ряд переговоров с клиентами, проинструктировал менеджеров, сменил пароли и коды в компьютере, вычистил его и поехал домой в дурном расположении духа. Не давали покоя слова Самандара о том, что Стас и Мария в исследовательском запале ушли в «низовые» или «адовые» миры «розы реальностей», о чём сам Стас ничего своему дяде не сказал. Плюс известие о Рыкове, окопавшемся совсем близко, в Государственной Думе, целый год остававшимся в тени, продолжая, однако, свою деятельность. Самандар был прав, «чистилищу» надо было выходить на «тропу войны», коль государственные службы не могли справиться с беспределом коррумпированного снизу доверху чиновничества.

– У нас гость, – встретила мужа Ульяна, кивнув на гостиную.

Василий Никифорович плеснул на лицо и на плечи холодной воды в ванной, – конец июля выдался жарким и душным, зашёл в гостиную.

С дивана поднялся мрачный Сергей Иванович Парамонов, сын Ивана Терентьевича, в отличие от отца не получивший Посвящение во Внутренний Круг и знавший о нём только из разговоров отца с приятелями. Ему исполнилось пятьдесят лет, был он человеком добродушным, спокойным и веселым, даже если у него не всё получалось в жизни. Но сегодня ему явно было не до веселья.

– Что случилось, Сергей Иванович? – подал ему руку Василий Никифорович. – На тебе лица нет.

– Работу потерял, – криво улыбнулся Парамонов.

– Не понял. Ты же директор завода и его акционер.

Сергей Иванович действительно был директором асфальтового завода в Мытищах, использующего самые передовые технологии, и являлся одним из его соучредителей и акционеров.

– Да ты садись, садись, – махнул рукой Котов, – сейчас ужинать будем.

– Я уже поел, чай вот допиваю.

– Тогда рассказывай.

Сергей Иванович сморщился, глотнул чаю.

– Что тут рассказывать? Подъехали к заводу два десятка машин, из них высыпало человек сто в форме ЧОПов, но без опознавательных знаков. В руках ломы, бейсбольные биты, отрезки арматуры и труб, «болгарки». Взломали ворота, повязали охрану, оцепили здание заводоуправления и выставили вон всех сотрудников.

– Интересный коленкор. И кто же это сделал?

– «Новые» владельцы завода. Якобы по решению Арбитражного суда. Предъявили документы о смене совета директоров и о новом хозяине.

– Настоящие?

– Липа, разумеется. Они подделали учредительные документы, на основании которых получили в Москомрегистрации самое настоящее государственное свидетельство о собственности, дающее право на чужое имущество. С этими, с позволения сказать, доказательствами бандиты наняли судебных приставов и захватили завод.

– У тебя такая слабая охрана?

– Почему слабая? Десять человек на периметр, правда, не милиция и не ВОХР, свои ребята, грамотные. Только оружие применять не обучены. Смяли их, конечно. Представляешь, что там сейчас делается? Печать у них, пакет документов предприятия у них. – Сергей Иванович безнадежно махнул рукой.

– Неужели вы бессильны? – не поверил Василий Никифорович. – Законные владельцы? А милиция на что, прокуратура?

– Какая там милиция? Мы, само собой, сиднем не сидим, уже подали заявление в суд, в прокуратуру, в мэрию, но пока наши бумаги разберут, производство разорится, а здание эти сволочи продадут. Для них ведь главное – урвать свой кусок под шумок и смыться. Хотя, вполне вероятно, что они завод перепрофилируют или возведут на его месте казино или супермаркет.

– Неужели такое возможно?

– Ты газеты не читаешь? Знаешь, сколько приносит подобный бизнес? До тысячи процентов чистой прибыли! Вот поэтому до суда ничего и не доходит. Во всяком случае за решётку еще никого не удалось отправить, насколько мне известно. Так что я теперь безработный. – Парамонов горько усмехнулся, встал. – Домой поеду, не хочу вам портить настроение. У тебя наверняка своих проблем хватает.

– Посиди чуток. – Василий Никифорович вышел в спальню, переоделся в спортивный костюм, набрал номер на мобильнике. – Вахид, ты сильно занят?

– Читаю прессу, – отозвался Самандар, не удивляясь звонку.

– Надо помочь одному хорошему человеку.

– Когда?

– Желательно прямо сейчас. Форма одежды – парадно-боевая.

Короткое молчание.

– Где встретимся?

– Возле мытищинского метро, через час. Ты даже не спрашиваешь, что мы будем делать и кому помогать?

– Достаточно того, что это знаешь ты. – Самандар отключил связь.

Василий Никифорович хмыкнул, вышел в гостиную.

Сергей Иванович вопросительно посмотрел на него.

– Собирай своих подчинённых и через полтора часа подъезжай к заводу, – сказал Котов.

– Что ты задумал?

– Возвращать захваченное.

– Ты с ума сошёл! Их же там сто человек, и все вооружены!

– Во-первых, не сто, и вооружены они не автоматами. – Василий Никифорович усмехнулся. – Звони своим охранникам и управленцам, к ночи завод будет наш. Сможешь удержать его в случае повторного нападения налётчиков?

Сергей Иванович почесал затылок.

– Позвоню приятелю, он в ОМОНе Северо-Западного округа служит, объясню ситуацию.

– Тогда вперёд, безработный, начинай сборы.

В гостиную выглянула Ульяна с Матвейкой на руках.

– Вы куда на ночь глядя?

Мужчины переглянулись.

– Погуляем, обсудим одну проблему, – сказал Василий Никифорович.

– А дома это сделать нельзя?

– Не волнуйся, мы ненадолго.

– Не верю я тебе, Котов.

– Вот! – повернулся к Парамонову Василий Никифорович, поднимая палец вверх. –

Мой дед предупреждал: семья – это зона повышенной конфликтности, избегай её.

Ульяна засмеялась.

– Ладно, Васенька, я тебе это припомню.

Василий Никифорович подошёл к ней, поцеловал протянувшего к нему ручонки малыша, погладил жену по плечу, махнул рукой гостю:

– Идём.

Они спустились во двор, расселись по машинам: у Парамонова был джип «Шевроле-Нива», у Василия Никифоровича полноприводная «Субару-Дрим» с четырёхсотсильным мотором.

– Может, не стоит с ними связываться? – высунулся в боковое окошко Парамонов. – Это же чистые бандиты!

– Именно поэтому и надо ставить их на место. Подъезжай с ребятами к десяти часам, не раньше, и позвони мне по мобильнику. Всё будет хорошо.

Через сорок минут Василий Никифорович подъехал к площади Мира в Мытищах, нашёл белую «Мазду-7» Самандара, приткнувшуюся к переходу в метро, пересел к нему в кабину.

– Рассказывай, – сказал Вахид Тожиевич бесстрастно; на нём был такой же фирменный спортивный костюм, что и на Котове.

Василий Никифорович коротко ввёл его в курс дела.

– Значит, ты решил просто восстановить попорченную справедливость? – поинтересовался Самандар безразличным тоном. – Или наш поход уже следует считать бандликом «чистилища»?

– Можешь считать, что я согласен с твоими доводами. Будем возрождать ККК.

– «СМЕРЧ».

– Что?

– Предлагаю назвать нашу команду «СМЕРЧ» – от слов «смерть чиновникам», разумеется – продажным, коррумпированным.

Василий Никифорович невольно покачал головой.

– Не слишком ли круто? Это ж нам придётся почти всех чиновников «мочить».

– Не «мочить» – перевоспитывать. Хотя кое-кого из нелюдей действительно придётся ликвидировать физически.

– Ладно, подумаем ещё, как назвать «чистилище». Предлагаю действовать по-простому: оставляем машины у проходной завода, идём внутрь и нейтрализуем каждого, кто попадётся на пути.

– Лучше начать изнутри, с заводоуправления. Ты не разучился пользоваться тхабсом?

– А что, идея неплохая. Начнём оттуда, с начальников. Оружие берём?

– Зачем?

– Тоже верно, меньше хлопот. Тогда поехали, комиссар?

Самандар протянул ему руку, и Василий Никифорович стукнул по ней ладонью.

Глава 3

БАНДЛИК БЕЗ КРОВИ

Как синкэн-гата, обладая свойствами «духовного меча» и «устранителя препятствий», не является оружием, хотя и может использоваться в качестве такового, так и тхабс – в переводе с санскрита «способ действия», иначе – способ взаимодействия разных энергоинформационных состояний, не является собственно «транспортной системой», но может переносить человека в любую точку пространства (и даже – в миры «розы реальностей»), преобразуя человеческое тело в энергоинформационный поток с другим фазовым уровнем.

Василий Никифорович, как Посвящённый Круга II ступени, *знал* возможности тхабса. Это знание дал ему ещё Хранитель Матфей во время войны Круга с Истребителем Закона. Владел тхабсом и Самандар, научившись пользоваться им от Котова. Поэтому им не составило особого труда «уйти» в иное фазовое состояние и выбрать местом выхода заводууправление асфальтового завода.

Из «мембраны перехода» они вышли аккурат в кабинете директора, который недавно занимал Сергей Иванович Парамонов. В данный момент в нём находились другие люди.

Один сидел в кресле директора: тяжёлое красное лицо с презрительной складкой губ, глазки-буравчики, оттопыренные уши, короткие пегие волосы, серый костюм. Ещё двое располагались напротив: мощного телосложения, коротко стриженный, с лицом боксёра, и постарше, в джинсовой безрукавке и джинсах, с чёрными зализанными волосами и змеиными глазами.

Василий Никифорович сразу окрестил его «юристом».

Реакция у всех троих на внезапное появление гостей в спортивных костюмах была разная.

«Хозяин» удивлённо поднял голову от разложенных на столе бумаг, округлил глаза.

«Боксёр» вскочил; по всей видимости, он играл роль личной охраны «директора».

«Юрист» же сунул руку под мышку, явно собираясь достать оружие. Из всех присутствующих он был самым опасным. И Самандар мгновенно отреагировал на его движение, сделав длинный скользящий шаг и одним ударом по ключице отбивая охоту к дальнейшему сопротивлению. «Юрист» охнул, роняя пистолет, схватился рукой за плечо.

«Боксёр» тоже сунул руку в карман широких чёрных штанов, вспомнив об оружии, но его успокоил Василий Никифорович, использовав всего один «неотбиваемый» приём, так называемый «удар готового результата». «Технику превосходства», культивирующую подобные удары, он постигал ещё будучи в спецназе ФСБ, а потом совершенствовал вместе с Самандаром, который основал школу адекватного реагирования в МИЦБИ.

«Боксёр» упал, как опрокинутый шкаф, даже стены вздрогнули.

Входная дверь приоткрылась, в щель высунулась белобрысая стриженная голова второго охранника, заинтересованного шумом в кабинете директора.

Василий Никифорович щёлкнул его в темя указательным пальцем – особым образом, используя «кулак в воде», то есть принцип резкого ускорения скорости движений, и белобрысый выпал обратно в приёмную со сведёнными к переносице глазами.

Самандар метнулся туда же и вернулся через несколько секунд, показав два пальца: в приёмной на этот момент находилось еще двое парней из команды захватчиков.

Василий Никифорович шагнул к столу, вежливо коснулся виска двумя пальцами:

– Иван Петрович Сидоров, представитель правозащитной организации «СМЕРЧ».

Представьтесь, пожалуйста.

– Э-э-э... – выдавил «хозяин».

Самандар обошёл стол, отвесил ему короткую пощёчину.

«Хозяин» ойкнул, побледнел, протянул было руку к лежащему на столе мобильному телефону и замер, заметив покачивание пальца Василия Никифоровича.

– Сидите смирно, господин хороший. Времени у нас мало, поэтому будем предельно лаконичны. Имя, фамилия, представительство?

– Ак-кунин Г-георгий М-муслимович, – проговорил «директор» трясущимися губами. – Д-директор...

– Насколько мне известно, легитимным директором завода является другой человек.

– Уже не является, – ощерился «юрист». – У нас на руках решение Мытищинского суда...

– А вы кто? – посмотрел на него Василий Никифорович с нехорошим прищуром.

– Судебный пристав Пенкин. Вам придётся ответить за...

– Ответим, – перебил его Самандар, подходя ближе. – Документы.

– Вы не представляете, с кем связались! Мы вас...

Самандар хлопнул пристава ладонями по ушам. Тот вскрикнул, хватаясь за голову, и Вахид Тожиевич точным движением вытащил у него из внутреннего кармана безрукавки удостоверение служителя закона.

– Пенкин Роман Кириллович, старший судебный пристав Мытищинского районного суда.

– Я же сказал, вы пожалеете...

Василий Никифорович резко приблизил к нему лицо, заставив пристава отшатнуться.

– Это ты не представляешь, гадёныш, с кем связался! Не слышал о «чистилище»? Никакая «крыша» тебе не поможет, не мечтай! Теперь о деле. Немедленно прикажите своим подельникам покинуть территорию завода! Мы могли бы и сами её «подчистить», но не хотим крови. Сегодня. Завтра, не дай Бог, вы нас вынудите, начнутся ваши похороны! Я доходчиво объясняю положение дел?

Новоиспечённый «директор» хрюкнул, посмотрел на «юриста», прокашлялся:

– Рома, может, мы... э-э...

– Блефуют они, – скривил губы пристав, – нету никакого «чистилища», и ни о каком таком «Смерче» я не слышал.

Новый удар по ушам, вскрик.

– Вот наше удостоверение, – сказал Самандар, доставая из кармана белую визитку с тиснённым в уголке золотым кинжальчиком и надписью «СМЕРЧ». – С этого дня вы часто будете слышать от коллег о получении таких меток, а то и получать сами. Так вот, вручение такой визитки – по сути, смертный приговор. Мой коллега прав, сегодня мы тестируем команду и не хотим никого убивать. Завтра начнётся отстрел мерзавцев. Теперь понятно?

– М-м-м... э-э-э... – промямлил потеющий «директор».

Видимо, и пристав наконец проникся уважением к раскрывающимся перед ним перспективам, облизнул губы, кинул быстрый взгляд на пистолет у ног, на дверь. Он был битый волк и не привык сдаваться без боя.

– Никто не придёт, – качнул головой Василий Никифорович. – Завод окружён нашими людьми. Если не хотите кровопролития, уходите подобру-поздорову.

Пристав бросил ещё один взгляд на пистолет, и Самандар, наклонившись, поднял его, подал «юристу» рукоятью вперёд.

– Попробуй, вдруг успеешь?

Пристав встретил его бесстрастный взгляд, переменялся в лице.

– Хорошо, мы уйдём, но завтра я вернусь с ОМОНОм...

– ОМОН уже здесь, ждёт сигнала к атаке, – улыбнулся Василий Никифорович. – И запомни: рыпнешься права качать, которых у тебя нет, и ты это знаешь, – я лично принесу тебе визитку «СМЕРЧа»!

«Юрист» отодвинулся от стола вместе со стулом, хотел что-то сказать, но передумал. Хотя было видно, что он действительно никого не боится и строит какие-то планы.

– Звони Кериму, пусть уводит парней.

Бледный «директор» поднял трясущейся рукой мобильный телефон, набрал номер.

– Керим, снимай братков, мы уезжаем... да, я так решил... и Рома тоже... кончай базар, выполняй! – Акунин выслушал ответ, pokrылся испариной, беспомощно посмотрел на представителей «правозащитной организации». – Он сейчас придёт сюда...

Самандар молча вышел из кабинета.

– Кто это – Керим? – поинтересовался Василий Никифорович.

– Сейчас узнаешь, – снова показал зубы «юрист». – Керим – мастер боя, профессионал, бывший афганец, он вас в капусту...

Василий Никифорович без замаха ударил пристава в подбородок, и тот с грохотом улетел в дальний угол кабинета, потерял сознание, замолчал. Вторым ударом Котов разбил телефон «директора». Наставил на него палец.

– Сиди тихо, мразь! Я сейчас вернусь. Выкинешь какое-нибудь коленце – твоим домом станет морг.

– Н-не...

– Вот и ладушки.

Василий Никифорович вышел в приёмную.

Самандара здесь не было.

На полу лежали двое мужчин в серой форме сотрудников частного охранного предприятия, на столе и на диванчике валялись их «орудия труда» – обрезок трубы и бейсбольная бита.

Василий Никифорович выглянул в коридор.

Самандара не было и здесь. Зато от лифта к приёмной шествовала группа молодых и не очень людей в количестве пяти человек, под предводительством смуглолицего здоровяка с косым разрезом глаз. Очевидно, это и был некто Керим, с которым разговаривал руководитель налётчиков, то ли ещё один судебный пристав, то ли командир охраны «хозяина». В руках он не держал ничего – в отличие от остальных, вооружённых дубинками, но Василий Никифорович чувствовал, что этот человек очень опасен. Его надо было нейтрализовать в первую очередь.

Котов отступил назад, закрывая дверь, встал слева.

Дверь открылась через три секунды, но её порог первым переступил не Керим, а один из сопровождавших его парней. За ним всунулся второй верзила с лицом, явно не отягощённым интеллектом. Оба вытаращились на тела подельников на полу, и Василий Никифорович, взяв *темн*, уронил парней точными уколами пальцев в стиле ТУК – техники усыпляющего касания.

И тотчас же в проёме двери возник низкорослый Керим с пистолетом в руке.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга – прицельно и оценивающе. Керим, то ли казах, то ли татарин, был очень опытным бойцом, судя по его спокойствию и несуетливой манере поведения, и вряд ли был склонен к компромиссам. Он находился *на службе* и отрабатывал обязанности секьюрити в полной мере.

– Ты кто? – спросил он с характерным горловым акцентом.

– Сотрудник похоронного бюро, – вежливо ответил Василий Никифорович, заметив, как выглядывающие из-за плеч Керима спутники исчезают один за другим.

По-видимому, тот почуял опасность – и сделал ошибку – оглянулся.

Василий Никифорович бесшумно скользнул к нему на ускорении, заметил движение пальца Керима на курке пистолета (шестнадцатизарядный «вальтер» калибра девять миллиметров) – классная реакция у гада! – ушёл с линии огня и ударил противника по руке.

Удар случился одновременно с выстрелом. Пуля попала в окно, раздался звон, на пол посыпались осколки стекла. Придётся Сергею вызывать стекольщика, мимолётно подумал Котов.

Керим между тем оружие из руки не выпустил, попытался выстрелить ещё раз, но возникший за его спиной Самандар не дал ему такой возможности. Охнув, смуглолицый начальник секьюрити «директора» упал лицом вниз, успев-таки нажать на курок. Пуля вонзилась в пол, расколов паркетную дощечку.

Переглянувшись, Самандар и Котов связали Керима его же ремнем, вернулись в кабинет «настоящего» директора.

Акунин стоял у стола, вытянув шею, и прислушивался к доносившимся из приёмной звукам. Увидев «чистильщиков», он побелел, поднял руки над головой, забормотал:

– Я ничего никому, только воду пил и ждал, честное слово...

– Заткнись! – оборвал его Вахид Тожиевич.

– Кто командует твоими бандитами на территории завода? – мрачно спросил Василий Никифорович.

– Керим... Мерзоев... он начальник ЧОПа...

Самандар вышел в приёмную, приволок начавшего проявлять признаки жизни Керима. Достал у него из кармана мобильник.

– Прикажи ему вывести людей с территории. Быстро!

Акунин вздрогнул, сглотнул слюну, посмотрел на главного охранника:

– Керим, выводите людей... мы уходим...

Смуглолицый встряхнул головой, глянул на лежащего без движения у стены пристава, оглянулся на Самандара. В глазах его протаяло понимание.

– Спецназ МВД...

– Бери выше, – усмехнулся Василий Никифорович. – «Чистилище». У тебя есть шанс остаться в живых. Звони своим клеветам.

Самандар развязал руки чоповца, стянутые ремнем за спиной.

Керим потёр запястья, ещё раз глянул на пристава, на «чистильщиков», взял протянутый мобильник.

– Любер, отбой мероприятию, уводи кодлу. – Выслушал ответ, протянул мобильник Котову. – Через десять минут нас не будет. Кто вы всё-таки?

Василий Никифорович оттолкнул телефон.

– Аппарат твой, оставь.

Самандар щелчком направил Кериму визитку ККК. Тот поймал на лету, погладил пальцем золотой кинжальчик, раздвинул узкие губы в хищной улыбке.

– Команда контркрим... давно о вас не было слышно...

– С этого момента будут слышать часто, – пообещал Василий Никифорович. – Ты свободен.

Керим потоптался на месте, бросил взгляд на бледного потеющего Акунина, на пристава, держащегося за голову, молча направился к двери.

– И это дерьмохвати, – подтолкнул руководителя налётчиков Василий Никифорович. – Мы с ним позже разберёмся. – Повернул голову к приставу. – Помочь?

– Не надо, – оскалился тот, с трудом вставая.

– Документы, – напомнил Самандар.

– Где заводские документы, настоящие? Печать, регистрационные бумаги, лицензия, списки акционеров?

– На столе, – кивнул на три раскрытые папки Акунин. – Всё цело, мы собирались...
– Пошёл вон!

Дверь пропустила налётчиков, закрылась.

– Я провожу, – сказал Самандар, направляясь к выходу.

– А я их встречу у ворот, – улыбнулся Василий Никифорович, – для вящего эффекта.

Он *вызвал* состояние тхабса и через секунду объявился у будки охраны возле ворот, где уже началась суeta: захватчики предприятия стягивались к проходной, не понимая, в чём дело. От Котова шарахнулись, как от привидения. Василий Никифорович засмеялся, зашёл в будку охраны, включил механизм отпирания ворот, вышел и встал в воротах, расставив ноги.

Вскоре появились ковыляющий пристав, Керим и его начальник, то и дело утиравший носовым платком. Увидев «представителя правозащитной организации», с которым они расстались в кабинете директора, все трое резко остановились. Керим на мгновение сбросил с себя маску «азиатской» невозмутимости, взялся за подбородок. Акунин растерянно оглянулся на здание заводоуправления, на крыльце которого появился Самандар.

– В-вы?!

Василий Никифорович услышал звуки работающих моторов: к заводу съезжались люди Парамонова, – отступил в сторону:

– Убирайтесь!

Толпа налётчиков хлынула через ворота на площадь, стала рассасываться. Ушли, оглядываясь, и Акунин с Керимом. К воротам подбежал растерянный Сергей Иванович.

– Как вам удалось?!

– Всё в порядке, занимайте свой завод, – проворчал Василий Никифорович, чувствуя облегчение и скрытую радость от того, что у них всё получилось. – Документы на месте.

Парамонов махнул рукой своим парням.

– По местам, работаем, как по тревоге! Проверить все цеха, все помещения, через час доложить о положении дел.

Заводчане бросились выполнять распоряжение директора. Вслед за ними удалился и Сергей Иванович, всё ещё находившийся под впечатлением счастливого возвращения собственности.

Василий Никифорович повернул голову к приблизившемуся Самандару:

– Когда ты успел изготовить новые визитки?

– Успел, – безразличным тоном отозвался Вахид Тожиевич. – Двух видов: чёрные и белые.

Василий Никифорович хмыкнул.

– Белые – это...

– Первое предупреждение. Чёрные...

– «Чёрная метка», надо полагать, предупреждение о ликвидации.

– Правильно мыслишь. Но я только что сделал печальный вывод.

– Ну?

– Нас перестали уважать и бояться. Нужны масштабные акции, а не единичные наскоки на подлецов. Нужна *система* наказания. Иначе не стоит и начинать.

– Согласен. – Василий Никифорович подумал. – Но я должен обо всём рассказать жене. Если она не одобрит...

– Хочешь, я с ней поговорю?

– Не стоит, я сам. И поехали отсюда. – Василий Никифорович понюхал воздух. – Как здесь живут люди? Асфальтовый завод всё же, амбре такое, что голова кружиться начинает.

– Привыкли.

– А то ж! Наши люди ко всему привыкают, даже к беспределу чиновников и бандитов. Воюй за них...

Оба оглянулись на завод, на территории которого вспыхнули фонари.
Стало светлее.

Глава 4

МЫ НЕ БЕССМЕРТНЫ

Проиграв бой Истребителю Закона, ставшему, по сути, Ликвидатором Внутреннего Круга человечества, Хранители отступили.

Многие из них откровенно испугались за свою жизнь и перестали служить идее Круга, предпочтя уютную старость в только им известных мирах «розы реальностей». Многие сменили род деятельности, устроившись советниками ныне здравствующих президентов и глав правительств, чтобы хоть как-то поддерживать равновесие социума. Единицы попытались счастья в высших «слоях» «розы», сменив иерархов или же надеясь заменить их в будущем.

Хранитель Матфей, ставший исполняющим обязанности инфарха, то есть главы Иерархии, не смог объединить коллег в единый организм, отказался от Посвящения в сан инфарха и вернулся к исполнению прямых обязанностей – хранить знания, добытые прошлыми цивилизациями Земли, не допускать утечки опасной информации и препятствовать доступу непосвящённых к МИРам Инсектов – модулям иной реальности, сохранившимся в недрах Земли с момента исчезновения цивилизации разумных насекомых. Областью его ответственности в данном деле была не только Москва, в подземных пустотах которой хранилось около полутора десятков «замков», созданных самыми разными видами Инсектов десятки и сотни миллионов лет назад, но и вся Россия.

Он видел и агонию Круга, столкнувшегося с Ликвидатором, обладающим новым качеством – умением нейтрализовать «высшие непреодолимости», и ликвидацию самого Ликвидатора Воином Закона справедливости, функции которого короткое время выполнял Матвей Соболев, и захват власти на Земле авешей Монарха Тьмы Рыковым, и расширение тьмы – деструктурирующих реальность тенденций, но не вмешивался в процессы, идущие в социуме. Он ждал нового пришествия Воина Закона, способного создать Архитектора Согласия и навсегда покончить с властью дьявольского Закона переноса вины, заставить работать Принцип справедливого воздаяния за преступления, причём – немедленно!

Местом жительства Матфей избрал городишко Туру, административный центр Эвенкийского края. Климат Эвенкии ему не очень подходил, зато нравилась природа с богатейшей палитрой красок и нравились люди, населявшие край, не избалованные «благами» цивилизации и сохранившие чистые и ясные души, любовное отношение к природе.

Тридцатое июля Матфей провёл в МИРе, расположенном практически под центром Туры. Это был замок Веспидов, галловых ос, Матфей называл их творение гигаллом – гигантским галлом. «Замок» разумных ос напоминал огромную ягоду ежевики, да и цвет его был красно-пурпурным, с малиновым оттенком, поэтому выглядел он весьма и весьма экзотично. Однако главной его особенностью был не внешний вид, а внутреннее строение, напоминающее гипертрофированных размеров гнездо-улей. К тому же саркофаг царя Веспидов служил здесь своеобразным сейфом, храня одну из Великих Вещей Мира. Эту Вещь сделали не Инсекты, а их предки, получившие собирательное название Предтечи, и каким образом она оказалась во владении Веспидов, Матфей не знал. Но вынужден был охранять её, чтобы она не попала в руки не только обыкновенных людей, искателей приключений, самодеятельных археологов, но и в руки Посвящённых низших ступеней, способных воспользоваться Вещью ради собственной выгоды и пользы и – во вред всему человечеству.

Он уже собирался возвращаться домой, когда почувствовал ментальный вызов.

Чёрное поле космоса, окружавшее Землю и планеты земной реальности, прочертила светящаяся рубиновая нить, достигла Земли, пронзила голову Хранителя, породив кас-

кад невербализованных понятий. Матфей ответил «лотосом» приветствия: его запрашивал Никола Русский, патриарх Хранителей, находившийся в данный момент в Магадане.

Светящиеся струи и символы распались на «объёмы» смысла:

«Приветствую тебя, брат».

«Здрав будь, Никола. Что случилось?»

«Я собираю транзитивный Сход, получена информация чрезвычайной важности. Ты примешь участие?»

«Без сомнений».

«Тогда жди, я согласую иерархию по достаточности защиты, чтобы нам никто не помешал».

Процедура согласования Схода не потребовала много времени. Мгновенная ментальная связь соединила Хранителей таким образом, будто они находились рядом, в одном месте, а не за тысячи километров друг от друга. Всего на связь вышли тридцать два Хранителя, в том числе Архонты, обладающие двадцатой ступенью Посвящения: Васиштва, Петр, Симеон, Сатья-вара, Месхи, Габриэль, не считая самого Николы Русого. Все они откликнулись на призыв патриарха, которому исполнилось уже более тысячи лет, понимая, что Сход по пустякам не собирается.

Матфей поудобней устроился на гладком полу пещеры, где располагался МИР Веспидов, закрыл глаза, ощущая поступающие извне и образующие сеть связи лучики ментальных «голосов» других Хранителей. Вход в общее континуальное поле сознания, образованное эгрегором Схода, напоминал нырок в море светящегося тумана и почти полное растворение в нем. Процесс же объединения ментальных полей продолжал развиваться, стала видна вся поверхность Земли с ярко просиявшими точками контакта – в местах, где в настоящий момент находились Хранители.

Следующий шаг синхронизации индивидуальных пси-полей увёл внутреннее зрение создаваемого полевого организма в структуры материи. Матфей увидел пульсацию электромагнитных полей, их источники, весь диапазон излучений, пронизывающих Землю и Солнечную систему. Затем поле зрения гигантского мыслящего и чувствующего организма Схода сузилось до уровня физических тел, и рядом с Матфеем возникли зыбкие полупрозрачные фигуры остальных иерархов.

«Начинаем Сход», – раздался в мысленном диапазоне голос Николы Русого.

«Кого ты представляешь? – осведомился Хранитель народов Закавказья Месхи. – Чью фигуру управления?»

«Лично себя, – ответил Никола Русский спокойно, зная агрессивно-независимый нрав кавказца. – Я не хочу никем руководить и навязывать своё мнение. Вы знаете, иерархия Круга практически низложена, и каждый из вас волен выбирать тип поведения. Теперь на Земле диктует свою волю, внушая всем живущим, что мир плох и жесток, впечатывая в сознание, в психику каждого сценарий катастрофы и вечной войны, авеша Конкере, маршал Сверхсистемы Герман Рыков, он же – Марат Меринов. Сила его хотя и не столь велика, как у Ликвидатора, однако нейтрализовать Рыкова ни один из нас не в состоянии. Это можно сделать только сообща».

«С чего ты взял, что мы захотим его нейтрализовать? Он нам не мешает».

«Я просто констатирую факт усиления т ь м ы. Когда Ликвидатор был уничтожен, сброшен в „розу“, мы решили, что настала пора техник гармонизации социума, и даже наметили, кто станет Архитектором Согласия. Но он отказался».

«Это был я», – не стал отрицать и прятаться за «фигуру умолчания» Матфей.

«Мы знаем, – буркнул Месхи, – ты испугался».

«Я испугался, – не стал спорить Матфей. – В первую очередь ответственности, а Силы мои на исходе. Да и не бессмертен я».

«Все мы смертны».

«Братя, не будем отвлекаться, – напомнил о себе Никола Русский. – Я получил информацию, которая требует обсуждения».

«От кого?»

«От Светлады».

В общем поле связи на несколько мгновений установилась хрупкая тишина. Все знали, что Светлада была когда-то «светлым духом мечты» инфарха, его совестью, сам же инфарх после событий годичной давности исчез из поля зрения иерархии «розы». Кроме Светлады, инфарх имел ещё и «третье Я» – «светлый дух доброты» – Светлену, которая полностью перешла на земной уровень бытия и стала частью души живой женщины. Но о Светладе не было известно ничего.

«Где она? Откуда взялась? Инфарх объявился?» – слышались реплики членов Схода.

«Она ждёт нашего приглашения, чтобы сообщить важное известие. Но прежде чем дать ей слово, я хотел бы обратить ваше внимание на следующий факт: кто-то, не открывая себя, то есть на уровне сил Элохим Гибор, ведёт интенсивные поиски Великих Вещей Мира, вскрывая один за другим модули иной реальности. А вы знаете, что абсолютные вещи, созданные в Материнской реальности, попадая в другие реальности „розы“, формируют их условия, жёстко организуют их структуру. „Роза реальностей“ – пространство допустимых состояний Мироздания, а не всех возможных...»

«Не надо объяснять нам, что такое „роза“, – недовольно перебил патриарха Хранитель Канады Джонс-Джонс. – Почему вы уверены, что неизвестный иерарх, – а кто ещё способен вскрыть МИРЫ Инсектов? – ищет Великие Вещи?»

«Потому что я знаю о трёх попытках извлечь Вещи из МИРов, охраняемых моими коллегами. Кстати, я не уверен, что попытки, о которых я ничего не знаю, не увенчались успехом».

В поле общения снова на короткое время установилась тишина. Потом заговорил Хранитель африканского континента Чакха:

«Может быть, это проявление каких-то действий инфарха?»

«Или Воина Закона», – вставил мысль Иакинф.

«Инфарх снял с себя ответственность за судьбы „розы“ и убыл в неизвестном направлении. Его место вакантно. Любой из нас может его занять, если мы согласимся на Посвящение такого высокого уровня. Что касается Воина Закона справедливого воздаяния, то он – существо соборное и тоже нуждается в делегировании Сил, которыми мы обладаем. Вполне возможно, его организация нам понадобится в будущем».

«Ты знаешь, у кого сейчас хранится оружие Воина?»

Никола Русский помолчал.

«Синкэн-гата не является оружием в полном смысле этого слова. Прежде всего он – оптимизатор сил баланса, устранитель препятствий на пути Законов Творца, нейтрализатор высших непреодолимостей, каковыми являются любые другие законы, в том числе физические. Но я не знаю, в чьих руках находится синкэн-гата в данный момент. Хотя догадываюсь».

«Матфей, ты был последним, кто контактировал с Воином год назад», – напомнил Хранитель Украины Билык.

«Меч остался у Стаса Котова, Мастера III ступени, сыгравшего роль оруженосца Воина. Однако с тех пор я с ним не встречался».

«Синкэн-гата не просто эффектор магического оперирования, – проговорил бесстрастный Васиштха. – Он еще и ключ к Знаниям Бездн и олицетворение „сферы света“ Самаэль, то есть „жестокость бога“. Если он попадёт в руки отщепенцев типа Рыкова, быть большой беде».

«Кроме того, он олицетворяет собой одну из букв имени Творца, – добавил Хранитель Павел. – И не означает ли процесс поиска Великих Вещей, которые также являют собой буквы-символы Творца, попыткой овладеть *силой* Самаэль и концептуально изменить Материнскую реальность?»

В третий раз поле связи Хранителей погрузилось в короткое молчание.

«Именно поэтому я и собрал Сход, – вздохнул Никола Русый, как обыкновенный человек, изнемогший под грузом ответственности. – Боюсь, и в самом деле грядёт новое изменение реальности, которое начнётся со сброса человеческой цивилизации в „яму“ регресса, тем более что есть все предпосылки к этому. Берегите Великие Вещи, созданные предками Инсектов и Аморфов, берегите „иглу Парабрахмы“, способную превратиться в величайшее по силе разрушения оружие, берегите саркофаги царей Инсектов, древнейшие компьютерные комплексы, способные инициировать тхабс даже у непосвященного, берегите кодоны, являющиеся пси-программаторами, против которых бессильны и Мастера, и Ангелы, берегите Колокол, Трансформатор, трансляторы Тьмы...»

«Довольно, Никола, мы поняли, – угрюмо перебил патриарха Месхи. – Где Светлада? Пусть войдёт в Сход и скажет, что знает».

Матфей невольно напрягся, предчувствуя значимость того, что сообщит всем авеша инфарха.

Светящийся туман общего поля сознания передёрнула судорога неяркой молнии, и «рядом» с Хранителями возникла зыбкая прозрачная фигурка женщины в плаще с капюшоном, скрывающим лицо. Все почувствовали дуновение гордой *силы*, пронизанной печальной аурой кротости, смирения и нежности. Перед адептами Круга действительно открылась «часть души» инфарха, имеющая самостоятельное воплощение в ментальном поле.

Тем не менее лидер кавказских Хранителей проворчал:

«Пусть откроет лицо, я хочу быть уверен...»

Женщина в сияющем плаще откинула капюшон, и у Матфея защемило в груди: на него посмотрела *старуха*!

Да, это была Светлада, не стоило сомневаться в этом, но она выглядела так, словно постарела на сто лет, проведя всё это время в темнице без света, пищи и воды.

Капюшон закрыл лицо Светлады, прекрасное даже в *таком* состоянии. Мягко и печально прозвучал её ментальный голос:

«Прошу прощения, братья. Я отдала слишком много сил, добираясь до земной реальности из „адовых“ миров. Не удивляйтесь моему виду. Война в „розе“ началась с новой силой, изгнанный из Материнской реальности Истребитель Закона превратился в Зверя Закона и охотится теперь за иерархами по чьей-то команде, уничтожая их одного за другим. Поэтому мне было трудно сохранить контуры воплощения и статус посланницы инфарха. Теперь главное: Конкере вышел на свободу!»

И в четвёртый раз сферу сознания Схода потряс удар тишины.

Кто-то изумлённо ахнул, кто-то выругался.

Матфей сам едва удержался от восклицания, поражённый известием.

«Это правда?» – недоверчиво проговорил Месхи.

«Увы, да, – ответил Никола Русый. – Я послал наблюдателя в „адовы слои“ „розы“, и он подтвердил, что Стена Отчуждения взломана, причём – с помощью синкэн-гата».

«Кто это сделал?! Зачем?! Когда? Вы знаете?» – послышались мысленные голоса.

«Я знаю, – сказала Светлада горько. – Оруженосец Воина Закона Стас Котов».

«Как это случилось?!»

«Он переоценил свои силы, пытаясь доказать себе самому, а может быть, и своей жене Марии, что он способен контролировать основные параметры „розы“. Монарх перехитрил его и, возможно, завладел синкэн-гата».

«Котов погиб?»

«Возможно, он стал частью Конкере».

«А его жена – авеша Светлены?»

«Погибла. Хотя Светлана могла уцелеть. Мы ещё не знаем точно».

«Когда это произошло?»

«Несколько дней назад... и несколько миллиардов лет назад, если принять во внимание тот факт, что Конкере был заперт в прошлом, в одной из „запрещённых реальностей“, с которыми сам же и экспериментировал. Теперь он на свободе».

«Что же нам делать?» – растерянно спросил кто-то.

«Выход один: формировать эгрегор Воина Закона, – сказал Никола Русский твёрдо. – Немедленно начать поиск кандидатуры оператора, которому мы могли бы передать часть своих Сил».

«Но почему вы уверены, что Монарх примется за нас? – подал мысленный голос индеец Сатья-вара. – Лично мы в тюрьму „розы“ его не помещали».

«Мы – основа сохранения стабильности Материнской реальности. И если Конкере захочет её изменить, а именно это он и собирается сделать, как это уже было почти миллиард лет назад, когда он „сбросил“ Инсектов в „яму масштабной деградации“ и направил эволюцию Блаттоптера-сапиенс таким образом, чтобы появились люди, то первым делом он должен уничтожить нас».

«Не согласен», – бросил Сатья-вара, покидая Сход.

«Я тоже в это не верю», – поддержал коллегу Чакха, также «выдёргивая» свою психику из общего поля связи.

За ним ушли Петр, Симеон, Люй Чень, Джонс-Джонс.

Проворчав что-то о «необходимости решения насущных проблем», покинули Сход Месхи, Павел, Арий и два десятка остальных Хранителей. Остались Матфей, Никола Русский, японец Такэда и Иакинф. Впрочем, двое последних тоже не задержались, пообещав «подумать о своём решении» и помочь, если понадобится.

«Они трусили», – грустно проговорила Светлада.

«Их можно понять, – буркнул Матфей. – Это их выбор».

«Значит, выхода нет? Мы будем сражаться каждый сам за себя?»

«Нужен лидер, – снова буркнул Матфей. – Который способен собрать нас и убедить в необходимости союза. И ещё оператор Воина Закона».

«У тебя есть кандидатуры?»

«Нет, – после паузы ответил Матфей. – Думаю, нужен свободный оператор, никому не известный».

«Я встретила одного человека, – вспомнила Светлада. – У него очень хороший паранормальный энергозапас, хотя по жизненной позиции он шалопад. Однако у меня нет сил для прямого контакта с ним».

«Найди Отступника, он поможет», – посоветовал Матфей.

«Кого?» – не поняла Светлада.

«Тараса Горшина, учителя Соболева, занявшего место декарха».

«Почему его?»

«Только он способен *обнажить суть* человека и *поднять* его до высот Мастера, как это было с Матвеем. Кстати, вопреки воле инфарха».

«Мне ли этого не знать. Хорошо, я поняла. Желаю жить долго, братья».

Фигура Светлады стала таять, исчезла.

«Она скоро совсем эфемеризируется», – произнёс Никола Русский после недолгого молчания.

«Если не вернётся инфарх».

«Он не вернётся».

«Почему?»

«Потому что он до капли истратил всего себя для стабилизации „розы“. Матвей Соболев мог бы занять его место, но не захотел. Да и ты тоже».

«Не заставляй меня оправдываться. Я слишком стар для этого».

«В таком случае мы отжили своё. Пришла пора перемен. Хотя я еще хочу побороться за жизнь. Ты pomoжешь Светладе? Кстати, по-моему, это её сестра – Светлана».

«Почему ты так думаешь?»

«Я чувствую. Светлана побоялась, что мы не дадим ей слова, поэтому назвалась Светладой».

«Странно всё это...»

«Так ты поможешь?»

Матфей задумался и спохватился лишь тогда, когда Никола Русый вышел из поля связи, не дождавшись ответа.

– Смысла нет, – пробормотал вслух Матфей. – Мы и в самом деле не бессмертны. Но я помогу...

Глава 5

Я НЕ ГЕРОЙ

Ночь после возвращения в Туру Артур провел беспокойно. Снились реки, тучи комаров, шурфы, какие-то бородатые личности, пытавшиеся украсть алмазы из палатки. А потом и вовсе приснилась женщина в белом, которая встретила Суворову и Увачану на берегу Джелиндукона. Она указала на небо, проговорила что-то на незнакомом языке, потом заплакала и исчезла. А на её месте появился молодой человек в белом костюме, с глазами столетнего мудреца. Он погрозил Артуру пальцем, и тот проснулся, не понимая, что его встревожило.

Впрочем, сон этот он тут же забыл, повернулся на другой бок и снова уснул.

Брат поднял его в начале девятого утра, предупредил, что уходит на работу: Чимкут Романов служил заместителем префекта Туры и курировал в местной администрации строительство в городе разного рода коммерческих центров. Был он поутру хмур и неразговорчив, и Артур заметил это:

– Ты чего такой скукоженный, Чим? Случилось что?

– Нехорошие люди, – с отвращением сказал Романов, беря свой рабочий портфель. – Так и норовят обойти законы кривой дорожкой.

– Какие люди?

– Я ответственный за инвестиционный конкурс на строительство торгового центра, а они хотят меня купить, чтобы конкуренты проиграли.

Артур нахмурился.

– Ты поосторожнее с ними, могут ведь и замочить, если на кону большие деньги. Угрожали?

– Сегодня встречаюсь с ними в конторе. Откажу, конечно, так нельзя.

– Может, заявишь в милицию?

– Я сам зампрефекта, у нас своя охрана. Ну, я пошёл. Жена тебя накормит завтраком, отдыхай. С камешками что надумал делать?

– В Москву повезу, не здесь же их продавать.

– Если что – могу найти хорошего человека, он оценит и поможет с реализацией.

– Спасибо, не надо. Возвращайся побыстрее, в ресторан сходим, а то завтра я улечу.

Романов кивнул и ушёл.

Артур полежал в постели расслабленно: после долгих ночёвок в палатке и борьбы с комарами квартира Чимкута казалась раем, – потом решительно встал, еще раз полюбовался на горсть алмазов и спрятал в особый карман джинсовой безрукавки. Сделал зарядку, то есть помахал руками, подрыгал ногами, поприседал и сто раз отжался на кулаках. Умылся и зашёл на кухню, где тихая улыбчивая жена Чимкута Ирина приготовила ему завтрак.

Поговорив с ней о жите-быте, – оказалось, родилась она в Хатанге, а познакомилась с Чимкутом в Сочи, где они отдыхали летом, – выяснив, что ей очень нравится Тура и вообще природа Эвенкии, Артур направился в местное агентство купить билет на авиарейс до Москвы.

Ирина лукавила. Местные пейзажи действительно были красивы, причем не только летом, но и зимой, однако жить простому человеку в условиях сибирского засилья насекомых – комаров, мошек, мух, гнуса, а зимой – в условиях крепчайших морозов было нелегко. Наверное, в глубине души жена Чимкута мечтала о жизни в южных краях или хотя бы в местах более умеренного климата, просто подчинялась обстоятельствам, главным из которых было местонахождение мужа. С другой стороны, Артур в своих странствиях забредал

и на Крайний Север Отечества, где условия жизни вообще были близки к экстремальным, но и там жили люди и не помышляли об отъезде.

Билет удалось купить без проблем.

Суворов пошатался по местному рынку, довольный удачным окончанием «алмазополовского» сезона, купил красивый кожаный пояс отцу, обшитый мехом россомахи и бисером, а также «эвенкийскую мантру» – оберег в виде разукрашенной бисером круглой розетки из оленьей шкуры, с двенадцатью «кругами жизни». Маме он тоже купил подарок – ичиги, мягкие сапожки из оленьего меха, очень красивые. Не забыл и Чимкута с женой, да и себя побаловал, купив изумительной формы костяной нож из бивня мамонта.

По-видимому, количество его покупок и сумма, которую он потратил на подарки, произвели впечатление на продавцов и прогуливающихся по рынку местных завсегдатаев, потому что Артур вдруг обратил внимание на группки молодых людей, поглядывающих на него издали. А трое из них даже проводили его до дома Чимкута, испортив Суворову настроение. Несмотря на физические данные и навыки спортсмена-футболиста, – Артур имел первый разряд по футболу, – человеком он был мирным и мастером воинских искусств себя не считал. Лишь в юности занимался пару лет боксом. А дрался он на своём веку всего дважды: один раз – защищая честь девушки, второй – в компании, которую заставила обороняться другая компания. Вообще же ему всегда удавалось не доводить ситуацию до крайних мер, когда без драки было уже не обойтись. Пока обходилось.

В шесть часов вечера пришел Чимкут, явно расстроенный, судя по его задумчивости. Будучи наполовину эвеном, он перенял множество национальных черт отцовского рода, в том числе невозмутимость и немногословие, поэтому по лицу его трудно было судить о тех эмоциях, которые им владели.

– Пошли прогуляемся, – предложил брату Артур. – В кафе посидим, пивка попьем.

Чимкут подумал и согласился. Жену с собой приглашать не стал, сославшись на «мужские разговоры».

Решили не брать машину, а пройти пешком.

К вечеру похолодало, лёгкий ветерок, напоённый луговыми ароматами с берегов Нижней Тунгуски, приятно овеивал лица. Настроение у Артура было приподнятое, и он попытался развеселить брата.

Дошли до кафе «Чапогир», сели за столик, заказали по кружке разливного пива и солёную рыбку.

– Да фиг с ними, не переживай, – сказал Артур, с удовольствием отпив полкружки. – Всё образуется. Меня удивляет только то, что бандиты есть и здесь, в сердце Сибири, где жизнь мёдом никогда не была. Ты не рассказывал о своих проблемах начальству?

– Какому?

– Мэру, губернатору, самому префекту.

– Нет, – качнул головой Чимкут. – У них своих проблем хватает.

– Я слышал, ваш губернатор тоже не из бедных людей, бывший директор «Тунгуснефти».

– Богатый он, может быть, и богатый, только в отличие от бывшего губернатора Чукотки яхты, самолёты и коттеджи за рубежом десятками не скупает. Он даже спорткомплекс в Туре за свои деньги построил.

Артур засмеялся.

– Да, Рома Рэмбович личность одиозная, накрал денег столько, что девать некуда. Говорят, он у самого герцога Виндзорского замок купил, с двенадцатью спальнями и обсерваторией. Плюс «Боинг-767» за сто миллионов долларов, кстати, третий самолёт, да ещё доплатил полтора миллиона за противоракетную систему. Поэтому он и не появляется в России, чует, что земля начинает гореть под ногами, правосудие по следу идет.

– Какое там правосудие, – махнул рукой Чимкут. – У нас половина бывших бандитов ходит в чиновниках, от председателей Законодательных собраний, глав администраций и до губернаторов. Все это знают, в том числе прокуратура, а судят только проворовавшихся мелких клерков.

– Тут ты прав, – кивнул Артур. – Я бы многих посадил на нары, будь моя воля. А в первую очередь Рому Рэмбовича. Жаль, куда-то скрылось «чистилище», была такая мощная организация, криминалитет мочила. Но бог с ними со всеми, давай о чём-нибудь весёлом поговорим. Ты на юг отсюда не собираешься податься? Или в центр?

– Что мне там делать? Кто меня там ждёт? Я здесь родился, тайгу люблю. А что касается «чистилища» – слышал я, конечно, что работала такая организация год назад, да только она в Москве, по-моему, обреталась. До наших краёв у неё руки не доходили. Между прочим, преступников тут хватает, земля дешёвая, а богатства в ней немереные. Алмазы, золотишко, пушнина тоже. Вот и стреляет братва друг друга, землю делит.

– Тогда на кой тебе такая работа? Ты же молодой ещё, институт окончил, уходи в какую-нибудь коммерческую структуру.

– Ну да, а на государство кто работать станет? – простодушно сказал Чимкут. – Ты вон тоже институт кончал, почему не в бизнес пошёл?

– Я не могу сидеть долго на одном месте, тянет на приключения. Женюсь – остепенюсь.

– Неужели есть кто на примете?

Артур вспомнил женщину в белом, поразившую его своей красотой, покачал головой.

– Не нашёл ещё, так, знакомые только. Да и не спешу я голову совать в семейный хомут. Это тебе повезло, что Ирину встретил, мне пока что не везёт на красивых женщин.

– Красивая женщина – конец света, – изрёк Чимкут, – жениться надо на доброй, в крайнем случае на умной.

– Философ доморощенный, – снова засмеялся Артур. – Сколько ты со своей Ириной живёшь?

– Шесть лет.

– Почему детей не завёл?

Чимкут погрузнел.

– Что-то не получается. Мы уже и к медикам ходили консультироваться, и к целителям. Разводят руками – всё в порядке, мол, здоровы, а детей нет.

– Приезжайте в столицу, я вас познакомлю с учеником академика Гаряева, вас проверят в институте эниомедицины, дадут рекомендации, и всё будет хорошо.

– Ладно, подумаем. Ирина переживает, однако.

Разговор на минуту прервался.

Чимкут заказал ещё по кружке пива, начал чистить вяленого сига. Судя по опущенным уголкам губ, попытка брата настроить его на оптимистический лад не удалась.

А Суворов вдруг почувствовал себя неудобно.словно в кафе подул сырой холодный ветер, принёс туман и запахи болота.

Артур огляделся исподтишка, оценивая свои ощущения, и наткнулся на изучающий взгляд одного из парней веселящейся у стойки бара компании. Парень тут же отвернулся, обыкновенный местный житель с виду: серые штаны, кроссовки, синяя рубаша со шнуровкой на груди, волосы перехвачены синей ленточкой. Затем Артур разглядел, что и у остальных парней точно такие же ленты вокруг головы, и ему остро захотелось смыться из кафе.

Не будь рядом брата, по-прежнему занятого личными переживаниями, он бы так и сделал: юркнул бы в дверь, ведущую на кухню, оттуда во двор и домой. Однако Чимкут вряд ли понял бы такое поведение, и Артур вынужден был остаться, переживая неприятное чувство дискомфорта, как зубную боль.

Правда, компания парней с ленточками вскоре вывалилась из кафе, заметно снизив уровень шума, но Артура всё равно не оставляло чувство подглядывания в спину, вследствие чего он сделал вывод, что ему просто передалось настроение Чимкута. Хотя бодрости это открытие не прибавляло.

– Пойдём домой, – предложил он, – спать хочу, да и завтра рано вставать, самолёт в восемь вылетает.

– Пошли, – согласился Чимкут. – Вот только рыбку доем.

Посидели ещё несколько минут, перебрасываясь короткими репликами, расплатились, вышли из кафе. До пятиэтажки, в которой жили Романовы, можно было пройти за полчаса, но Артур предложил остановить такси. Чувство скрытого наблюдения не проходило, это нервировало, заставляло напрягаться и оглядываться.

– Что это с тобой? – обратил наконец внимание на его поведение Чимкут. – Здесь всего-то ходьбы два километра. Погода хорошая, я покурю пока.

Они уже отошли от кафе и повернули за угол на улицу Дерсу Узала, малолюдную по причине наступившего вечера. Артур поёжился: похолодало до плюс четырнадцати, а он был в одной футболке с короткими рукавами.

– Лучше бы мы... – начал Артур.

С визгом шин из-за угла вывернулся джип «Лэндкрузер», догнал братьев, резко затормозил, из него выскочили пятеро молодых людей, и Артур с Чимкутом оказались в круге парней с синими ленточками на головах. Тех самых, что сидели в кафе.

– Вам чего, ребята? – обаятельно улыбнулся Артур. – Мы мирные люди, никого не трогаем, идём домой. Может, вы нас с кем-то спутали?

– Заткнись! – бросил самый угрюмый из парней, кряжистый, с бородкой, перевёл взгляд на Чимкута. – Тебя предупреждали, узкоглазый, ты совет проигнорировал, придётся тебя наказать. Бей его!

Парни бросились на братьев, поднимая взявшиеся словно из воздуха палки.

Артур увернулся от одного удара, от другого, получил по спине, вскрикнул от боли.

Не будь рядом Чимкута, он просто-напросто сбежал бы от бандитов, обладая природной реакцией и манёвренностью, но Чимкут упал, и бросить его на произвол судьбы было бы неправильно.

Артур ускорил движения, сумел отнять палку у одного из нападавших, перетянул его же по копчику, подскочил к брату.

– Чим, вставай, забьют, гады!

Чимкут, держась за голову, попытался подняться, однако Артура отвлекли сразу двое, заставляя отбиваться и уклоняться, Чимкуту досталось по затылку от бородача, и он снова свалился на асфальт. Его начали пинать ногами, бить палками по спине и по рукам. Артур ничем не мог ему помочь, с трудом парируя удары, понимая, что долго не продержится. Бойцом он все же был слабым. И в этот момент ураган ударов стих. Парни один за другим как кегли разлетелись в стороны, попадали на тротуар. А рядом с избитыми братьями возник мужчина в белом костюме: среднего роста, не слишком накачанный, сероглазый, с удивительно спокойным и твёрдым лицом. Артуру показалось, что он его уже где-то видел.

Незнакомец глянул на стонущих, копошащихся на тротуаре парней, на джип, перевел взгляд на Артура.

– Машешь палкой быстро, но неумело. – Голос у него был тихий, но выразительный, звучный, и каждое слово как бы резонировало, сопровождалось коротким эхом. – Воинскому искусству не обучен?

– Ни к чему было, – пожал плечами Артур, успокаивая дыхание. Склонился над потерявшим сознание Чимкутом. – Чим, поднимайся, всё кончилось.

Романов не отзывался. По щеке его сползла тоненькая струйка крови.

– Чёрт! «Скорую» надо вызвать!

– Не надо.

Незнакомец в белом подошел к Чимкуту, осмотрел его, не касаясь руками, положил руку на висок, закрыл глаза. Постоял так несколько мгновений. Артуру показалось, что из пальцев спасителя стекли на висок брата струйки нежно-золотистого сияния.

Чимкут вздрогнул, открыл мутные глаза. Зашевелился, сел, упираясь ладонями в асфальт.

– Что это было? Все тело болит...

– Нас крепко отмузили.

– Кто?

– Бандиты в пальто.

– А-а... палыскут эрдыгын... собаки бешеные. – Чимкут заметил лежащие неподалеку тела нападавших, ошеломлённо открыл рот. – Кто это их?!

Артур подал ему руку, помог подняться, посмотрел на незнакомца, продолжавшего рассматривать его в странной задумчивости.

– Кто вы?

– Служба спасения, – усмехнулся обладатель элегантного белого костюма. – Поехали.

– Куда?

– Отвезу вас домой.

– На чём?

Незнакомец кивнул на джип с распахнутыми дверцами.

– Такой транспорт вас устраивает?

– Но это же их машина...

– Какая разница? Хотя, если не желаете ехать...

Артур оглянулся на зашевелившихся парней, подтолкнул Чимкута к джипу.

– Садись.

– Я ничего не понимаю! Какие-то подонки с палками, угрозы... кто этот человек?

– Он сам всё скажет. А эти недоноски хотели поломать тебе руки-ноги, рёбра и отбить остальные не менее важные органы, чтобы неповадно было отказывать их боссу в строительстве центра. Неужели не дошло? Говорил я тебе – сообщи в милицию. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально... голова кружится...

Артур бросил подозрительный взгляд на терпеливо ждущего их спасителя, подтолкнул Чимкута к машине. Снова пришло ощущение, что он где-то встречался с этим человеком.

Они сели в джип, и незнакомец повел машину к окраине Туры, не зажигая фар, хотя уже смеркалось, а фонарей на улицах города было не густо.

– Как вас зовут? – поинтересовался Артур.

– Тарас, – ответил тот.

– Меня Артур, моего брата...

– Знаю.

– Вы из милиции?

– Нет.

Джип остановился у дома Романовых.

– Чимкут, будьте добры, поднимайтесь к себе, я хочу поговорить с вашим братом.

– Пойдёмте вместе, жена ужин сготовит, чаю попьем...

– Позже.

Чимкут вопросительно посмотрел на Артура, молча полез из кабины.

Тарас проводил его взглядом, облокотился о руль, повернул голову к пассажиру.

– Я знаю, что вы любитель острых ощущений и экстремального отдыха. Хотите поучаствовать в приключении, о котором можно только мечтать?

– Это о каком же? – скептически хмыкнул Артур.

– Побывать в прошлом, слетать к звёздам, узнать истинное положение вещей в мире.

– Не слишком ли много для одного человека? – невольно улыбнулся Суворов.

– Хотите?

Артур перестал улыбаться.

– На сумасшедшего вы не похожи. Но и к звёздам слетать может предлагать только... – он пошевелил пальцами, подбирая выражение.

– Псих, – подсказал Тарас, не меняя выражения лица.

И Артур вдруг вспомнил, где он видел этого человека, – во сне!

Сбилась дыхание, ёкнуло сердце.

Он пожевал губами, не зная, что сказать. Это движение не ускользнуло от внимания собеседника.

– Не верите?

– Н-не знаю...

– Хотите, приведу аргументы?

– Н-нет, – качнул головой Артур, криво улыбнулся. – Знаете, мне в общем-то и на Земле неплохо живётся. Звёзды не для меня.

– Струсили?

Артур нахмурился.

– Я не трус! И вы не имеете права...

– Успокойтесь, я не хотел вас обидеть. Судя по вашему послужному списку, вы действительно не лишены известной храбрости. Хотя лично я считаю, что смелость – это страх, загнанный в угол. Однако не хотите – как хотите, насильно мил не будешь. Похоже, Светлана ошиблась в выборе кандидатуры оператора.

– Какая Светлана? Что вы имеете в виду?

– К сожалению, дальнейший наш разговор потерял смысл. Берегите брата, его оппонент настроен решительно и вполне может попытаться устранить несговорчивого чиновника физически. Всего вам доброго.

– Э-э... погодите, – пробормотал Артур. – А если я соглашусь?

– Вы хотите поторговаться? – догадался Тарас.

– Н-нет... впрочем, да, я хочу знать, что меня ожидает.

– Одно могу обещать твёрдо: спокойной жизни у вас не будет. Сумеете уцелеть, пройти Посвящение, стать Воином Закона – достигнете высот, о которых не может мечтать ни один обыкновенный человек.

– А если нет?

– Мы вас с почестями похороним, – приятно улыбнулся Тарас. – Ну так как, подходит вам такая перспектива?

Артур понял, что собеседник уже всё решил, поставил на нём крест, – и разозлился. Сказал с вызовом:

– Я готов! Давайте вашу... аргументацию.

Тарас некоторое время рассматривал его сквозь прищуренный глаз, словно взвешивал собственное решение, не зависящее от обстоятельств, вздохнул:

– Что ж, проверим, отступить ещё не поздно.

Суворов хотел пошутить насчёт того, что «не поздно» – это примерно то же самое, что и «не рано», однако в этот момент ему показалось, что на голову упала крыша джипа, и он на мгновение потерял сознание.

Очнулся, внезапно осознав, что не сидит в кабине машины, а стоит на дрожащих ногах в огромном помещении, похожем на горную пещеру с неровными стенами, а напротив играет чудесными переливами золотистого свечения изумительной красоты строение, похожее на десятиэтажной высоты замок причудливых очертаний. Больше всего замок походил на три десятка золотых колоколов, переходящих друг в друга, покрытых перламутровой чешуёй.

– Что это? – прошептал Артур, вцепляясь в плечо стоящего рядом Тараса.

Тот похлопал его по спине.

– МИР Акридилов.

– Что?!

– Модуль иной реальности, созданный полмиллиарда лет назад Акридида сапиенс – разумными саранчовыми.

– Как мы здесь оказались?

– С помощью тхабса.

– С помощью чего?!

– Есть такой магический способ преодоления расстояний и границ «розы реальности».

– Не понимаю...

– Потом поймёте. Я покину вас на минуту, осматривайтесь пока.

Тарас вдруг взвился в воздух, сделал пируэт и вознёсся к вершине чудесного творения разумной саранчи, пропал из виду.

Ошеломлённый всем происходящим, Артур сделал несколько шагов по залу пещеры, наконец сообразив, что это и в самом деле подземная пустота высотой в полсотни и диаметром в сто метров. Замок Акридилов стоял точно в её центре, испуская медовое свечение, похожий на слиток золота необычной формы. Он был гармоничен, красив, геометрически правилен, несмотря на странные пропорции, и вместе с тем будил в душе зрителя тревожные ассоциации и дискомфорт.

Артур робко приблизился к основанию замка, долго разглядывал «колокол», гадая, из чего он сделан. Материал напоминал янтарь и одновременно золотистое стекло с искрами внутри, а также сладкий леденец, отчего рот самопроизвольно заполнился слюной. Захотелось даже его лизнуть. Артур дотронулся до «леденца», получил лёгкий электрический укус и отскочил, трясая пальцем.

– Ах ты, зараза!

– Не пугайтесь, я отключил его защиту, – раздался голос Тараса, и проводник опустился рядом на рубчатый пол пещеры. – В принципе, МИРы создавались как психодинамические резонаторы для процедуры катарсиса, но выполняли и множество других функций, в том числе – жилищ царей Инсектов. В данном МИРе царём, вернее, царицей была матка Акридилов, сохранился её саркофаг... и кое-какие Великие Вещи. Но знать вам это пока ни к чему. Пойдёмте, покажу саркофаг.

В боку ближайшего колокола образовалась овальная дыра.

Тарас шагнул в неё, оглянувшись.

– Не отставайте.

Артур последовал за ним, чувствуя себя как во сне. Однако стоило ему ещё раз коснуться стенки открывшегося коридора, как ощущение прошло: строение разумных ос вполне ощутимо кусалось электрическими разрядами.

– Когда-то Акридида завоевали полмира, – оглянулся Тарас на ходу. – Потом их потеснили Блаттоптеры, наши предки.

– Блаттоптеры? Но ведь это, насколько мне помнится...

– Тараканы, правильно. И мы их прямые потомки. Вы этого не знали?

– Шутите...

– Нисколько. Ничего, всему своё время. Я введу вас в курс событий, дам общий тезаурус, остальное вы узнаете сами.

– С ума сойти! Я не представлял, что это всё так... серьёзно.

– Более чем. Итак, повторяю вопрос: не передумали? Ещё не поздно вернуться.

Артур хотел пошутить, что думать он не умеет, зато быстро бегают, и в это время они вышли в необычной формы – сплошное перетекание геометрических фигур друг в друга, от сфер и гиперболоидов до цилиндров и эллипсоидов – внутренний зал замка. Артур остановился, широко раскрыв глаза, забыв разом всё, что хотел сказать.

В центре зала располагалось нечто вроде колыбели, к которой сходились изогнутые полосы и растяжки из прозрачно-янтарного материала. Сама колыбель имела форму сплющенного эллипсоида, и внутри неё виднелось некое рубиново-багровое шипастое тело или скорее скелет с перепонками. Размеры колыбели превосходили металлический гараж, внутри которого вполне мог уместиться БТР, и веяло от всего сооружения холодом и угрозой.

– Что это?!

– Саркофаг Великой Царицы Акридидов, – рассеянно ответил Тарас, оглядываясь по сторонам. – Он же – первобытный компьютер с огромной памятью и быстродействием.

– Компьютер?!

– Саркофаг также выполняет множество функций, одна из них – вычисление параметров оптимальных сред.

Артуру показалось, что «скелет» внутри «колыбели» пошевелился.

– Она живая?!

– Нет, конечно, хотя и мёртвой её назвать трудно. Вы о саранче что-нибудь слышали?

– Почти ничего... прожорлива...

– И агрессивна, что есть, то есть. В мире существует восемь семейств саранчовых, около семи тысяч видов. Вообще же, с момента трансформации Инсектов сохранилось чуть больше половины вида, когда-то населявшего Землю. Согласно Ветхому Завету, саранча – одна из «казней египетских», насланных на людей Богом. На самом деле Акридиды сапиенс появились в нашей реальности задолго до рождения человечества. Хотите взглянуть на их Великую Царицу вблизи?

– Я и отсюда вижу...

Тарас с любопытством посмотрел на спутника.

– Вы видите Царицу сквозь стенки саркофага?

– Ну да, они же прозрачные.

Тарас хмыкнул, с новым интересом разглядывая порозовевшее лицо Суворова.

– Удивительно. Впрочем, это ещё ни о чем не говорит. Возвращаемся.

Показалось, что на голову упал потолок пещеры. Свет в глазах померк. Короткое ощущение полёта...

Он стукнулся коленом обо что-то твёрдое, разглядел джип, повернул голову: Тарас стоял рядом, руки в карманах, лицо безмятежное, в глазах сомнение.

– Идите домой. В скором времени я навещу вас в Москве. Не говорите никому о нашей встрече.

Артур кивнул и двинулся к дому Чимкута, деревянно переставляя ноги. Голова «дымилась и потрескивала», как разгорающийся костёр, но он старался идти прямо, не показывая, что потрясён и ошеломлён увиденным и услышанным.

В двух шагах от Тараса сгустился воздух, выдавил из себя фигуру старика в тёмном плаще. На Тараса взглянули синие светящиеся глаза.

– Зачем ты показал ему МИР Акридидов?

– Хотел увидеть его реакцию, – усмехнулся проводник Артура, не удивившись появлению Хранителя. – Реакция хорошая, человек способен удивляться и чувствовать прекрасное. Но я всё равно не понимаю, почему выбор Светлены пал на него.

– Он похож на Матвея Соболева, разве ты этого не заметил? И он скрытый паранорм.

– Может быть. Но он далеко не воин, да и воспитан иначе, как перекатипале. Не опасно ли давать такому человеку истинное Знание?

– Путь воспитает его.

– Это лишь в том случае, если он не испугается и не отступит.

Матфей проводил сочувствующим взглядом спину Суворова, свернувшего за угол дома.

– Будем надеяться.

Они посмотрели друг на друга и исчезли.

Глава 6

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Ульяна не одобрила решение мужа возродить «чистилище», но и не стала его отговаривать. Только посоветовала применить к делу системный подход, а не работать, как прежде, по «шестёрочным низам» российского криминалитета.

Василий с ней согласился. Он и сам понимал, что, если чиновничье-криминальному беспределу не бить по рукам на всех уровнях, снизу доверху, систему власти не научишь жить по закону. Уровней же этих они с Вахидом Тожиевичем насчитали пять.

Первым был «президентский».

Сам президент ничего не мог предпринять без одобрения поддерживающей его команды, куда входили советники, эксперты и чиновники Администрации, без участия которых не продвигался в жизнь ни один президентский указ.

Второй уровень образовывали министры правительства, сам премьер и главы Законодательных собраний, а также губернаторы, назначаемые президентом, но опять же – только с согласия ближайших помощников.

Третий уровень контролировал второй: собственно Государственная Дума, надстройка над ней – Совет Федерации, подчинённые им структуры.

К четвёртому Василий Никифорович и Самандар отнесли прокуратуру и судебную систему, всё чаще покупаемые криминалом. Так, по данным Высшей квалификационной коллегии судей, в прошлом году слушались сорок пять уголовных дел в отношении судей, но ни один из них не был обвинён в получении взяток. Запачкавшихся служителей Фемиды просто тихо лишили полномочий, некоторых перевели на другие участки, и лишь единицы получили наказание в виде условных сроков на два-три года. В тюрьму никто из них не сел.

И, наконец, пятый уровень составили чиновники среднего звена государственной машины, контролирующие таможенную, систему лицензирования, природные ресурсы, банковскую систему, расходование государственных средств, приватизацию и торговлю.

Конечно, Котов и Самандар понимали, что им не обойтись без «чистки» низовых звеньев коррумпированных властных структур, но приоритетным это направление деятельности «СМЕРЧА» считать было нельзя. Эти люди были исполнителями воли высших фигур госвласти, хотя при этом они тоже нередко проявляли инициативу, чтобы урвать более лакомый кусок.

– Да-а... – почесал в затылке Василий Никифорович, сидя перед экраном компьютера Самандара у него дома. – Нам двоим с такой мощной системой не справиться.

– Никто и не говорит, что мы будем работать вдвоём, – хладнокровно заметил Самандар. – Я уже начал подыскивать кадры. Предлагаю принять в наш «СМЕРЧ» в качестве комиссара первого зама Верховного атамана Союза казаков России. Год назад на него было совершено нападение, а совсем недавно убили его девятнадцатилетнюю дочь и восьмидесятилетнюю тётю. Он согласится.

– Причина известна? – помрачнел Котов.

– Дочь атамана приехала к тёте в посёлок Малино под Зеленоградом...

– Я имею в виду причину нападения на него самого.

– Скорее всего, Владимир Медведев имел какие-то документы по истории казачества, которые решили изъять у него убийцы. Он занимался теорией казаческого движения, писал статьи, готовил аналитические доклады о ситуации в стране и редактировал казачью газету «Правь».

– Кому понадобилось нападать на его семью?

– Думаю, тому, кто не заинтересован в освещении подлинной истории отечества. Разберёмся.

– Хорошо, допустим, он присоединится к нам. Но в комиссариате должно быть не менее пяти-семи комиссаров.

– Есть ещё две кандидатуры: Юрьев и Парамонов Иван Терентьевич. С Иваном я уже беседовал, он согласен.

– Но ведь Юрьев хотел возродить Союз Неизвестных...

– Он где-то в «розе», насколько мне известно, надо поискать бывшего кардинала. Если он согласится, Рыкову до нас не добраться.

– Вряд ли Юрий Венедиктович согласится. Он лидер по натуре и всегда стремился занимать главенствующие посты.

– Ты будешь возражать, если он возглавит «СМЕРЧ»?

Василий Никифорович задумался.

– Пожалуй что и нет. Лишь бы он не загордился, не стал сатрапом. Кто ещё?

– Помнишь полковника Синельникова из МУРа? Он занимался «стопкримом», когда с нами были Соболев и Горшин.

– Кто же забудет такую колоритную личность? – невольно улыбнулся Василий Никифорович. – Разве он ещё жив?

– Жив, хотя и был серьёзно ранен, работает в Генпрокуратуре, старший советник юстиции, генерал.

– Он не пойдёт. Синельников – человек закона, его трудно соблазнить работать против коллег, хотя и ради более важного принципа, ради восстановления Закона справедливого возмездия.

– Когда мы сбросим ему полную информацию о коррупции в высших эшелонах власти, он присоединится к нам.

– Не уверен, но попытка не пытка. Кого ещё ты наметил в комиссары?

– Твою жену, – спокойно ответил Вахид Тожиевич.

Василий Никифорович вздёрнул брови, с сомнением заглянул в узкие чёрные глаза соратника, редко отражающие эмоции.

– Ты в своём уме?

– Не в твоём же.

– А ты подумал о последствиях? Разве ты забыл, что Уля родила мне сына, которому еще не исполнилось и двух месяцев?

– Прежде чем что-либо предложить, я обычно долго думаю. Могу привести аргументы.

– Приводи.

– Во-первых, она по роду – берегиня, что немаловажно. Во-вторых, она умна. В-третьих, она посвящена в тайны Круга и много знает. В-четвёртых, Ульяна всегда выбирала правильную стратегию поведения, насколько мне известно, что опять же имеет для нашей организации большое значение. В-пятых...

– Достаточно.

– Есть ещё и в-шестых.

– Хорошо, я с ней поговорю, однако будь готов к тому, что она откажется войти в комиссариат. Да и ребёнка воспитывать надо, кормить, ухаживать за ним и беречь.

– Пока мы будем утрясать кадровые вопросы, пройдёт время, а там твоему сыну найдется няня. Мне, кстати, тоже надо закончить одну важную работу.

– Какую?

Самандар пробежался пальцами по клавиатуре, и на экране появилась надпись: «Теория расходимостей и отражений Материнской реальности в „розе“ допустимых состояний материи».

Василий Никифорович с любопытством посмотрел на чеканный профиль Вахида Тожиевича.

– Это как понимать?

– «Лепестки розы» – суть варианты матричной реальности, как планеты Солнечной системы – суть отражения Земли. Но это не главное. Изучая «розу», я пришёл к выводу, что история разума в Универсуме – это история непрерывных войн. Создаётся впечатление, что войны – стержень развития всех цивилизаций «розы», не будь их, разум вообще бы не развивался.

– Это спорно, – хмыкнул Котов.

– Я опираюсь на факты. На что опираешься ты?

Василий Никифорович подумал.

– Скорее всего, на эмоции. Но я пораскину мозгами и найду контраргументы.

– Не найдёшь. Хотя мозгами шевелить иногда полезно. Между прочим, я нашёл предпосылки выхода на Доцивилизацию.

– А это куда?

– Инсектам и Аморфам предшествовала самая древняя в нашей реальности разумная система, я назвал ее Доцивилизацией Предтеч. Возможно, в скором времени я выйду на неё.

– Каким образом?

– Саркофаги Инсектов являются не простыми компьютерами, но компьютерами с базой, распределённой во времени. А это означает, что с их помощью можно пробить потенциальный барьер прошлого.

Василий Никифорович покачал головой.

– По-моему, у тебя поехала крыша.

– У меня её никогда и не было, – не обиделся Самандар, выключая компьютер. – Начинаям работать?

– Нужно начать с воссоздания системы безопасности.

– У меня сохранились кое-какие связи. Веня Соколов уже ищет кадры.

Василий Никифорович кивнул. Соколов, бывший афганец, капитан разведки, год назад командовал мейдером, то есть спецгруппой Самандара. Он проявил себя крепким профессионалом и мог ощутимо увеличить эффективность работы службы безопасности «чистилища».

– Отлично! Тогда вперёд и с песней!

Бросив взгляд на универсальный календарь с часами, висевший на стене кабинета Самандара, он вышел, зафиксировав в памяти час и день рождения «СМЕРЧа»: первого августа, двенадцать часов дня.

* * *

К удивлению Василия Никифоровича, Ульяна согласилась стать комиссаром возрождённого «чистилища». Главным аргументом этого решения стала идея сдерживания мужа от слишком рискованных и непродуманных действий.

– Сыну нужен отец, – сказала она с очаровательной улыбкой. – Мне – муж, а «СМЕРЧу» – мудрый руководитель.

– Но Матвейке всего два месяца, – заикнулся Василий Никифорович, – ты не сможешь одновременно и работать, и сидеть с ним.

– Поговорю с Катей, двоюродной сестрой, она побудет няней. Опыт работы в детсаду у неё немалый. Конечно, будет тяжело, но ведь вы без меня не справитесь.

И Василий Никифорович проглотил вертевшуюся на языке очередную порцию возражений. Было бы смешно начинать уговаривать жену не соглашаться, предложив ей сначала обратное.

На следующий день Самандар позвонил ему и предложил провести бандлик.

– Подожди, мы же ещё не собрали силы... – опешил Василий Никифорович.

– Нет сил терпеть, – признался Вахид Тожиевич. – Моего дальнего родственника чуть не убили на рынке за то, что он попытался торговать по закону, снизить цены. Пора кончать с этим рыночным беспределом.

Василий Никифорович присвистнул.

– Будь у нас даже армия, мы с этой мафией не справимся. К тому же ты сам предлагал работать по «верхам».

– «Верхи» от нас не уйдут, нужно и «низы» лечить от всякой бандитской заразы. У меня есть предложение – привлечь к этому делу казаков.

– В Москве?

– Они есть везде, недаром же Верховный атаман имеет резиденцию в столице.

– Ну, не знаю...

– Приезжай, обсудим план действий. Кстати, подъедет и Медведев.

– Кто?

– Зам Верховного атамана. Я с ним уже беседовал, он согласен работать с нами.

Василий Никифорович покрутил головой.

– Ну ты даёшь, старик! Когда успел?

– Едешь?

– Еду.

– Жду.

Василий Никифорович почесал в затылке, хотел было по привычке сообщить жене о предложении Самандара, но передумал. Вахид Тожиевич не упомянул об Ульяне ни слова, значит, не хотел впутывать женщину в те истории, где требовались чисто мужские качества.

Владимир Семёнович Медведев мало походил на казака, какими их представлял Котов. Интеллигентного вида, несуетливый, спокойный, чуть смущённый знакомством с людьми, предложившими ему неординарную работу, он больше напоминал тихого учителя истории. Однако в глазах заместителя Верховного атамана Союза казаков мерцал огонёк сдержанной гордости и силы, отчего Василий Никифорович сразу проникся к нему уважением и симпатией. Этот человек знал многое, владел собой и мог за себя постоять.

– У Владимира Семёновича есть деловое предложение, – сказал Самандар после взаимных представлений. – Воевать с рыночной мафией мы пока на равных не можем. Но есть другой выход.

– Что может быть эффективней отстрела? – усмехнулся Василий Никифорович.

– Правильное объяснение ситуации, – ответно усмехнулся Владимир Семёнович.

– Это что-то новое.

– Это просто хорошо забытое старое. Когда-то на Руси работали законы справедливого распределения обязанностей и благ, а также законы выбора ответственности.

– Домострой, что ли?

– Задолго до Домостроя. Люди были отлично информированы о том, что их ожидает в случае того или иного деяния. Того, кто преступал границы закона, сначала учили просчитывать последствия своих шагов, а если не помогало – изгоняли из общины. Как правило, преступники – то есть преступившие закон – возвращались обратно, ибо выжить в одиночку было практически невозможно. Но я отвлекся. Конкретно о деле. Когда я жил в Ростовской губернии, наши рынки тоже заполнили выходцы с Кавказа и из сопредельных государств – Азербайджана, Армении, Грузии, Молдавии. Честным людям стало невозможно торговать

своим товаром, так как условия диктовали «дикие капиталисты», владельцы рынков, по сути – бандиты. А поскольку государственная власть оказалась бессильной, – милицию просто покупали на корню, – то в процесс вмешались казаки.

– Рейды? – прищурился Василий Никифорович.

– Нет, рейды не помогли бы. Мы поступили иначе. Начали с Восточного рынка в самом Ростове. Поставили у входа на рынок кунг, повесили объявление: «ЮКОН. Юридическая консультация рыночной деятельности». Всё по закону – лицензия, разрешение властей, крыша – частное охранное предприятие и Союз казаков. К объявлению добавили список платных услуг, оказываемых юристами, в том числе – разрешение торговых споров и защита населения. Местным – скидка.

– Ну-ну, – заинтересовался Василий Никифорович. – И чем всё закончилось?

– Приходят к продавцам сборщики дани, а те им говорят: обращайтесь в «ЮКОН», все претензии к ним. Бандиты к нам, а у нас всё по закону, не подкупаешься. Народ сначала не верил, потом валом повалил. Конечно, и стрелки назначали, и разборки устраивали, пришлось пострелять самых рьяных. Зато стало тихо, беспредельщики сами ушли с рынка.

– Ясно, – кивнул Котов, посмотрел на невозмутимого Самандара. – А что, идея неплохая. Казаков в Москве мало, да и никто их всерьёз не воспримет, а вот охранная структура из представителей спецслужб может дать нужный эффект. Только надо заручиться поддержкой на достаточно высоком уровне.

– У нас есть выход на мэра и на министра внутренних дел, – сказал Медведев. – Верховный атаман учился с ним в одной школе.

– Тогда я согласен. Однако эффект такого воздействия мы получим далеко не сразу. Должно пройти время, месяцы и годы, пока население обратит внимание на изменение ситуации.

– За полгода управимся. Зато эффект будет достаточно стойким и долговременным.

– Хорошо, давайте попробуем. Начинать надо с законодательной базы.

– У меня есть кое-какие разработки, – показал свою специфическую смущённую полуулыбку Владимир Семёнович.

– Это не их случайно искали ваши враги?

– Не знаю, может быть, хотя в моём архиве есть и более значимые документы.

– Кстати, как идёт расследование убийства вашей дочери и тёти?

– Буксует, – пожал плечами Медведев.

Василий Никифорович встретил взгляд Самандара.

– Мы не можем помочь?

– Веня Соколов уже работает, кое-какая информация собрана. Будем готовить бандлик.

– Что будете готовить? – вежливо спросил Владимир Семёнович.

– По нашей терминологии бандлик – ликвидация банды.

– Я бы хотел участвовать в... э-э... бандлике. Однако прежде всего нужны доказательства...

– Мы разрабатываем операции только после всестороннего изучения материалов и доказательств. Нас пытались подставить не один раз, и только благодаря железным аргументам народ нам поверил. Иначе мы давно превратились бы в одну из преследуемых террористических групп.

– У меня имеются кое-какие сведения...

– Прекрасно. – Василий Никифорович вышел на кухню и вернулся со стаканом кефира. – Давайте обсудим все имеющиеся у нас факты по этому делу.

Благодаря связям Самандара и самого Медведева удалось получить много дополнительных данных о врагах Союза казаков среди высших должностных лиц государства. Через

два дня, третьего августа, Вахид Тожиевич вычислил заказчика нападения на заместителя Верховного атамана Союза казаков и конкретных исполнителей. Сообщение Самандара на собрании комиссаров «СМЕРЧА» вызвало эффект разорвавшейся бомбы.

– Заказчиком нападения на Владимира Семёновича, – сказал он, – является Константин Филиппович Мелешко, глава службы безопасности Государственной Думы. Кроме того, он служит ещё и заму председателя Думы Марату Феликсовичу Меринову как начальник личной охраны.

– Рыкову! – сцепил челюсти Василий Никифорович.

– Рыкову, – кивнул невозмутимый Вахид Тожиевич. – По моим подозрениям, он управляет и президентом, и правительством, оставаясь в глубокой тени. Но цель его – власть над всей матричной реальностью, так как именно сегодня он является координатором всех уцелевших Союзов Неизвестных.

– А Хуан Креспо? – поинтересовался Парамонов. – Год назад координатором был он.

– Хуан Креспо сбежал в «розу», спасаясь от Ликвидатора.

– Извините, друзья, – смущённо сказал Медведев. – Я не совсем понимаю, о чём идет речь.

Комиссары переглянулись. Всего на собрании присутствовало четверо человек, Ульяна осталась дома с ребёнком. Её старались привлекать к работе как можно реже и только в том случае, когда решались глобальные проблемы.

– Я дам ему пакет общих понятий, – сказал Самандар. – Пока же давайте решать конкретную задачу. Предлагаю устроить засаду на Костика Мелешко и выяснить, чего хотела его команда от Владимира Семёновича.

Медведев вопросительно посмотрел на Вахида Тожиевича.

– Вы серьёзно?

– Привыкайте к тому, – ответил за Самандара Парамонов, – что мы не юмористы из «Аншлага». Если мы что-либо предлагаем, значит, имеем полную информацию об объекте воздействия.

– Извините, я ещё плохо представляю ваши возможности...

– Наши.

– Наши возможности и силы.

– Всему своё время. Итак, коллеги, представляю следующий план бандлика. – Самандар включил компьютер.

* * *

Константин Мелешко прошёл хорошую школу жизни и считал себя крутым профессионалом. Впрочем, он и в самом деле многое знал и многое умел, отучившись в Десантной академии Генштаба в Рязани и три года отвоевав в Чечне и Таджикистане. Во всяком случае, за его спиной был немалый опыт боевых действий, контртеррористических операций, разведрейдов и специальных миссий по передаче ценных сведений секретного характера и денежных вознаграждений боевикам. Кроме того, он владел рукопашным боем, ничего не боялся, угрызениями совести не мучился и был готов выполнить любое задание вышестоящего начальства.

На Рыкова Мелешко начал работать ещё во времена «Стопкрима», когда Герман Довлатович был одним из комиссаров «чистилища». С тех пор он оставался при нём, знал о патроне немало, был посвящен в тайны его «подпольной» деятельности и мысли не допускал, что кто-то может вынашивать планы относительно его собственного перехвата. Поэтому, встретив на выходе из Госдумы двух пожилых седобородых мужчин, похожих на священников, Константин даже не посмотрел в их сторону. Он в этот момент разговаривал с

одним из своих подчинённых, Гариком Шнуром, который часто выполнял деликатные поручения командира.

Дальнейшие события показали, что есть профессионалы покруче, чем «супер» Мелешко, каким он себя считал. А так как начавшиеся действия длились всего две секунды, никто из посетителей Думы, проходивших через подъезд № 5 со стороны Конюшковской улицы, а также охрана, не поняли, что произошло.

Навстречу Мелешко и Шнуру шагнул ещё один седой господин в строгом чёрном костюме, и оба они внезапно потеряли сознание, словно на них рухнул потолок вестибюля.

Стариком был Иван Терентьевич Парамонов, а «потолком вестибюля» – гипноиндуктор «удав» или «глушак» в просторечии, выбивший из головы Мелешко и Шнура способность мыслить. При этом они не потеряли способности чувствовать, видеть и слышать, просто перешли в «состояние не-мысли».

– Идёмте с нами, – взяли их под руки седые «старцы», встретившиеся им ранее. – Всё в порядке, всё под контролем, вы спокойны, и вам хорошо. Делайте, что говорят.

Охранников Марата Феликсовича Меринова вывели из здания через подъезд для персонала Думы, усадили в чёрную «Тойоту-Камри» с флажком на капоте и депутатским номером, и та уехала, не особенно спеша.

Допрашивали пленников, ведущих себя смирно, как примерные дети, в гараже Самандара.

Спутник Кости Мелешко знал мало, лишь подтвердил, что в расправе с дочерью атамана Медведева участвовала спецгруппа под командованием капитана Вахтанга Ираклишвили, выполнившего приказ Мелешко. Сам Гарик Шнур к этой операции отношения не имел.

Однако надежда на то, что Мелешко поделится с «чистильщиками» подробностями дела, не оправдалась. Несмотря на подавленную после выстрела из «глушака» волю, Константин Мелешко не стал отвечать на вопросы. Точнее, после первого же вопроса он вдруг побелел, затрясся и потерял сознание.

– Что с ним? – встревожился Медведев; в операции захвата он не участвовал и прибыл к месту допроса по звонку Котова.

– Блок, – разочарованно развёл руками Василий Никифорович. – Сработала программа защиты памяти.

– Какая программа?

– Рыков запрограммировал своего телохрана именно на такой случай, чтобы тот не выболтал тайны босса.

– Разве это возможно?

– В наше время всё возможно. – Василий Никифорович тронул склонившегося над Мелешко Самандара за плечо. – Как он?

– Не труп, но вряд ли очнётся нормальным человеком, – буркнул Вахид Тожиевич, разгибаясь. – Рыков не щадит никого ради исполнения своих планов, он всадил ему программу, стирающую всю память. Парень на всю оставшуюся жизнь останется идиотом.

– Сволочь!

– Что будем делать? – неуверенно проговорил Медведев.

– Искать капитана Ираклишвили. Может быть, он не запрограммирован так жёстко, как Мелешко.

– А если и он зомби?

– Тогда придётся звонить самому Рыкову.

– Меринову.

Василий Никифорович и Самандар обменялись понимающими взглядами.

– Вы шутите? – не понял их мимики Медведев, переводя глаза с одного на другого.

– В каждой шутке есть доля шутки, – улыбнулся Котов. – Кстати, Рыков теперь будет знать, что мы начали с ним войну, и примет контрмеры.

– Ты боишься? – приподнял бровь Самандар.

Василий Никифорович подумал, почесал кончик носа.

– Боюсь.

– Тогда не стоило начинать всю эту бодягу со «СМЕРЧем».

– Я боюсь не за себя.

– Ульяна владеет тхабсом. Вдобавок ко всему можно приставить к ней усиленный мейдер охраны из проверенных людей.

Василий Никифорович посмотрел на закатившего глаза личного телохранителя Рыкова и промолчал. Сжалось сердце. Интуиция подсказывала, что он напрасно согласился принять жену в состав комиссариата «чистилища». Но было уже поздно что-либо менять.

Мелешко и его подчинённого отвезли в парк Сокольники и оставили на полянке за шеренгой кустов, зная, что их вскоре обнаружат гуляющие и сообщат в милицию. Дальнейшая судьба секьюрити Рыкова комиссаров «СМЕРЧА» не интересовала.

Медведев, потрясённый продемонстрированным коллегами мастерством перехвата, уехал домой. Котов, Самандар и Парамонов отправились на квартиру Вахида Тожиевича. Там они расположились в гостиной вокруг журнального столика и с чашками чая в руках обсудили план дальнейших конкретных «чисток» социума.

В первую очередь решили заняться коррупцией в тех властных коридорах, которые курировали оборонную промышленность. В результате их действий оказались приватизированными уникальные стратегические предприятия, поставляющие военную технику Министерству обороны России. Эти же структуры вынашивали планы и дальнейшей передачи объектов обороны в частные руки, чего нельзя было допустить никоим образом. И за всей этой кампанией оголтелого предательства интересов государства стояла мрачная фигура босса Купола, заполучившего колоссальные возможности влияния на жизнь России, даже не будучи её президентом или общественно и политически значимой фигурой.

– Предлагаю также не забывать о «низах», на которых держится вся пирамида Купола, – добавил Самандар. – Извините за тавтологию. Мы должны сформировать сочувствующий нашей деятельности эгрегор, иначе поддержки народа не добьёмся. А без этой моральной и энергетической подпитки работать эффективно «СМЕРЧ» не сможет.

– У тебя есть конкретные предложения? – осведомился Парамонов.

– Целый пакет. Борьба с незаконно возводящимися особняками в экологически чистых районах, на берегах рек и озёр, ничего не дала. Предлагаю наметить план их уничтожения. Начать же надо с домов самых одиозных фигур. Хочется также отловить пару банд, занимающихся авторэкетом на дорогах.

– Чиркачи? – догадался Василий Никифорович.

– Особенно меня интересуют те, кто их прикрывает со стороны ГАИ и милиции. Их надо «учить» в первую очередь. Исполнителей же бить смертным боем, а машины жечь.

– Что это ты так настроен против них? – удивился Иван Терентьевич. – Неужели напорлся?

– Не я, одна моя знакомая. Эти негодяи заставили её заплатить за подставу три тысячи долларов.

– Хорошо, этому действительно пора положить конец. Что ещё?

– Мочить вербовщиков девчонок, попадающих затем не в «престижные клубы» за рубежом, а в руки рабовладельцев. Вообще у меня составлен целый список объектов прямого воздействия, хотите взглянуть?

Василий Никифорович и Парамонов переглянулись.

– Показывай.

– Идёмте в кабинет.

Самандар включил ноутбук, проверил защитные системы, вывел на экран разработанный им план работы «чистилища» по «низам».

Среди объектов воздействия были и продажные судьи, и прокуроры, таможенники и чиновники мэрий, банкиры бандитов и террористов, полковники и генералы, торгующие оружием и секретами отечественных военных технологий, медики, торгующие младенцами, мелкие клерки, подписывающие документы за вышестоящих лиц или «теряющие» важные указы министров и президента, а также лидеры бандитских группировок, занимающихся прямым разбоем и грабежом. Всего в списке Самандара насчитывалось триста двенадцать пунктов, за каждым из которых стояла та или иная социальная проблема.

– Я многого не знал, – мрачно покачал головой Иван Терентьевич. – Это же полный беспредел!

– Могу показать план работы по «верхам», – бесстрастно сказал Вахид Тожиевич. – Он разработан по результатам последних расследований «караул-команды» ТВЦ и Счетной палаты. Там гораздо более впечатляющие факты.

– Не сегодня. – Парамонов посмотрел на часы. – Мне пора в поликлинику. Кстати, спасибо за помощь брату. Он до сих пор в шоке от вашей операции. Но не будете же вы и дальше лично заниматься реализацией «низового» плана?

– «Низами» будут заниматься Веня Соколов и Юлик Буркин. Их группы практически сформированы и ждут целеуказаний.

– Хорошо, звоните, если понадобится.

Парамонов ушел.

Самандар выжидательно посмотрел на задумчивого Котова.

– У тебя какие-то сомнения?

– Я переживаю за Стаса, – признался Василий Никифорович. – Чую, с ним и с Машей случилась беда. Надо попытаться отыскать их в «розе». Тебе придётся какое-то время обходиться без меня, я иду на их поиски.

– Когда?

– Сегодня вечером. Больше ждать нельзя.

– Хорошо, я решу кое-какие проблемы и пойду с тобой. Рыков наверняка попытается задавить нас, и без помощи Стаса с его синкэн-гата нам не обойтись.

Василий Никифорович вспомнил свой сон, вздохнул. Он уже не верил, что когда-нибудь увидит парня, ставшего ему сыном, но очень хотел, чтобы это случилось.

Глава 7

ПОХОД В «РОЗУ»

Это был не первый поход Посвящённых в «розу реальностей», представлявшую собой пространство допустимых состояний мира, поэтому они знали, что можно брать с собой, а что нельзя. В принципе, все вещи были лишними, включая оружие. Переходя границы «лепестков розы», путешественники невольно изменяли их параметры, и каждая взятая с собой вещь фундаментальной реальности, каковой была земная, жёстко структурировала «иллюзорные» реальности, подстраивая их условия под единый «абсолютный алгоритм».

Они взяли с собой лишь специальные ножи из углеродистой керамики, оставшиеся у Самандара с прошлых времён, не читаемые «магическими детекторами» граничных сторожей, и по фляжке с водой. Остальное – защиту и транспорт – должен был обеспечить тхабс – особое «магическое заклинание», имеющее силу физического закона. Недаром тхабс называли «следом» Безусловно Первого, Творца Мироздания, «сдавшего» его «в аренду» своему ученику, оказавшемуся впоследствии первым в истории Вселенной Отступником.

Условились, что в случае непредсказуемых изменений ситуации каждый будет «включать» тхабс, не дожидаясь реакции спутника. Оба знали, что даже тысячные доли секунды иногда решают судьбы великих воинов и магов, и были готовы подчиниться не мысли, а инстинкту, опережающему любую реакцию сознания.

Как-то в разговоре с Котовым Иван Терентьевич затронул тему потенциальных возможностей тхабса, имеющего некие интервалы использования. Но это было давно, и Василий Никифорович помнил лишь то, что тхабс может изменять состояние владельца не только в интервале «разрешённой неизвестности», дающей право переходить границы «розы», но и в интервале «разрешённой хроноинверсии». Однако вспомнил об этом Котов только сейчас, перед самым походом, пожалев, что не выяснил у Парамонова суть темы.

– Забыл что? – оценил его застывший взгляд Самандар, пронизательный, как психиатр.

– Нет, ничего, всё в порядке, – встряхнулся Василий Никифорович. – Вспомнил давний разговор с Иваном Терентьевичем.

– О чём?

– Потом поговорим. Ты готов?

– Как пионер.

– Тогда помчались. Сначала выходим в «мир А», потом решим, куда двигаться дальше. Не напороться бы на сторожевых псов.

Василий Никифорович имел в виду особые программы контроля границ реальностей, способные приобретать физическую сущность и плоть.

– Асата убил ещё пентарх Удди, – пожал плечами Самандар. – Если никто его не заменил, нас не перехватят.

– Посмотрим.

Василий Никифорович задержал дыхание и мысленным усилием *сдвинул* диапазоны чувственного восприятия мира вокруг. Сработал тхабс. Сознание вылетело за пределы всех частотных уровней психики и тут же восстановилось вновь.

Путешественники оказались в «мире А» – «ближайшем» к Материнской реальности «лепестке розы», представлявшем собой мир искусственных объектов. Оба уже не раз посещали сей не слишком гостеприимный уголок «розы» и теперь с любопытством начали ози-раться, вспоминая пейзажи и сооружения.

Со времени боя семёрки землян с пентархом Удди здесь ничего не изменилось.

Город, некогда славившийся своим архитектурным разнообразием и совершенством, перестал существовать. Все его здания оплыли, как стеариновые свечи, превратились в полупрозрачные и молочно-белые сталагмиты, частью растрескавшиеся, частью рухнувшие на землю. Здание, на крыше которого появились Посвящённые, осело, превратилось в горбатый мост, расколотый пополам, но ещё держалось. Лес, заполнявший в давние времена пространство между зданиями, изменился до неузнаваемости, превратился в «мотки проволоки» и «паутинные наросты» красного цвета.

Изменилась даже равнина, где произошло столкновение людей с иерархом Круга: она теперь напоминала своеобразный, застывший во время шторма океан зеленовато-синего цвета. Город теперь стоял в круглой чаше диаметром в несколько километров и, казалось, вот-вот будет затоплен бушующими волнами.

В густо-фиолетовом небе «подсферы А» светились два тусклых желтых «одуванчика», мало напоминающие звёзды или планеты. Что они собой представляли, не знал ни Котов, ни Самандар.

– Похоже, хозяин А-уровня здесь так и не появился, – нарушил молчание Василий Никифорович. – Не помнишь, кто из иерархов отвечал за него?

– Никогда не интересовался.

Самандар подошёл к краю бугристой крыши здания, глянул вниз, вернулся.

– Нам нужен проводник. Или хотя бы кто-нибудь, кто видел Стаса с Марией.

– Может, попробуем вызвать стража границы?

– Как? Постучать в рельс? Посвистеть?

Василий Никифорович усмехнулся.

– Ты плохо знаешь возможности тхабса. Иван Терентьевич говорил, что тхабс может даже отправлять адепта в прошлое.

– Сказки. К тому же не я плохо знаю возможности тхабса, а он подчиняется мне, освобождая свои силы в соответствии с уровнем Посвящения. У меня всего третья ступень, это порог Элохим Мириам, чего явно недостаточно для инициации остальных диапазонов тхабса. Может быть, тебе удастся? Твой уровень выше.

– Всего на одну ступень.

– Попробуй.

Василий Никифорович с сомнением пригладил волосы на затылке, посмотрел на «одуванчики» в небе А-мира. Показалось, один из них подмигнул.

– Ладно, попытка не пытка. Таблеточку бы мне...

– Какую таблеточку? – не понял Самандар.

– Анекдот вспомнил. Приходит больной к врачу: «Доктор, вы мне эти таблетки прописали, чтобы я сильнее стал?» – «Да, а в чём дело?» – «Я пузырёк не могу открыть».

Вахид Тожиевич остался невозмутимо-озадаченным, и Котов невольно засмеялся:

– Похоже, анекдоты тебе надо рассказывать дважды. А таблеточка, увеличивающая силы, не помешала бы.

Он сосредоточился на связи с внутренним пространством подсознания, где были записаны законы управления тхабсом, но не стал преодолевать порог «включения» магического оперирования. Деликатно «постучался в запертую дверь»:

«Я хочу, чтобы меня услышали жители этого мира. Как это сделать?»

По сознанию словно провели пушистой кисточкой, заставляя мысли «метаться и потрескивать», как электрические искорки.

«Эй, есть тут кто живой?» – мысленно позвал Василий Никифорович, ощущая эфирический прилив крови к голове.

И тотчас же его мысленный голос набатом ударил с небес, покатился во все стороны, как гром после удара молнии.

Вздрогнул Самандар, хватаясь за рукоять ножа.

Вздрогнул сам Котов, не понимая, почему слышит мысленно произнесённую им фразу в звуковом диапазоне.

Из развалин и зарослей «паутинолеса» под стенами зданий города прилетело гулкое эхо, и всё стихло.

– Получилось? – осведомился Самандар.

– Не знаю, – смутился Василий Никифорович. – Опыта нет. Может, тхабс меня неправильно «понял».

– Но он все-таки послушался... – Самандар не закончил.

Мир вокруг потряс громовой рёв!

Здания-сосульки города, покрытые трещинами, зашатались, некоторые из них рухнули, превращаясь в облака белой сверкающей пыли. Площадь неподалёку от здания, на крыше которого стояли земляне, треснула, из её центра в небо ударил фонтан светящегося сиреневого тумана. Этот фонтан расплылся грибообразным облаком на высоте двухсот метров, чуть выше уровня крыши, и с треском превратился в самого настоящего циклопа: уродливая фигура с толстыми ногами, покатые плечи, громадный живот, волосатая грудь, блестящая безволосая голова-бугор с одним глазом, в руке гигантская палица с шипами. Циклоп заметил путешественников, поднял палицу.

– Кто меня звал?! – раздался гулкий, едва ли не уходящий в инфразвук голос.

– Мы, – ответил Василий Никифорович, отчего-то совсем не испытывая страха. – Кто ты?

– Я Асат, страж границы!

– Врёт, – хладнокровно заметил Самандар. – Асата уничтожил Удди, прямо на моих глазах.

– Я не вру, – прогрехотал циклоп, вздымая палицу выше. – Я не живое существо, я адаптированная программа контроля границы.

– Может быть, его кто-то восстановил? – предположил Василий Никифорович. – В другом облике?

– Возможно. Кто тебя воссоздал?

– Меня адаптировали под новые граничные условия.

– Кто?

– Мастер Мастеров.

– Инфарх, что ли? – хмыкнул Вахид Тожиевич. – Насколько мне известно, кресло инфарха уже год как вакантно. Кто его занял?

– Я его не видел, но, кроме него, никто не может реализовать программу контроля границ на таком уровне.

– Что же ты собираешься делать? Неужели попытаешься нас уничтожить?

– Мне приказано проводить вас туда, куда скажете.

Котов и Самандар озадаченно переглянулись.

– Ты что-нибудь понимаешь? – осведомился Василий Никифорович. – Кто мог знать, что мы собираемся путешествовать по «розе» в поисках Стаса и Маши?

– Это невозможно... если только...

– Что?

– Если только за нами не следит кто-нибудь из уцелевших иерархов.

– Кому мы нужны?

Самандар поднял голову.

– Кто приказал тебе помогать нам? И почему ты уверен, что мы – те самые люди, кому ты должен помочь?

– Вы позвали, я пришел. Знание у меня внутри. Но поспешите, здесь оставаться небезопасно.

– Почему?

– В «розе» продолжается охота на людей Круга, вас скоро вычислят и нейтрализуют.

– Странно, – заметил Василий Никифорович, – он свободно говорит по-русски...

– Он не говорит по-русски, – так же тихо отозвался Самандар. – Мы так воспринимаем его мыслеречь. Однако, если он прав, надо сматывать удочки.

– Куда? Домой?

– На одной из планет Галактики находится «тюрьма для героев», помнишь?

– Где сидели Иван Терентьевич и Уля?

– Предлагаю махнуть туда, пока Асат выполняет приказ неизвестного инфарха. Вдруг Стас тоже сидит там?

– У него синкэн...

– Кто знает, с ним меч или нет. Может быть, Стас попал под удар охотников за иерархами и промедлил.

– Не может быть!

– В любом случае давай начнём поиски оттуда. – Самандар посмотрел на циклопа, терпеливо дожидавшегося решения людей. – Ты в курсе, кто именно охотится на иерархов?

– Зверь Закона.

– Кто?!

– Его изгнали из Материнской реальности в «розу», и он начал охоту за иерархами Круга. Это всё, что мне известно. Поторопитесь, сюда кто-то идёт, я чувствую колебания границы.

– Посмотреть бы одним глазком на этого Зверя...

– Уходим, – твёрдо заявил Василий Никифорович. – Веди нас к «тюрьме героев». Знаешь, где она находится?

– Три миллиона сто сорок девять тысяч сто первый «слой»...

– Поехали!

Циклоп протянул огромную волосатую длань.

Земляне, обменявшись взглядами, влезли на неё.

Циклоп сжал их в ладони, свет в глазах путешественников погас...

Оба знали, что каждый мир-лепесток «розы реальностей», с одной стороны, является континуумом со своими физическими законами, с другой – материальным телом, таким, как планета или звезда. Достичь его можно было либо с помощью преодоления потенциального барьера, которым служит вакуум, космическая пустота, либо с помощью магического оперирования, то есть с помощью тхабса.

Но чтобы долететь до планеты на окраине Галактики, где в незапамятные времена кто-то соорудил «тюрьму для героев», потребовалось бы около десяти тысяч лет, даже если двигаться со скоростью света. Тхабс же перенёс циклопа и землян в этот «слой розы» мгновенно.

Море подсвеченного снизу голубоватого тумана.

Над ним торчат три десятка круглых, светящихся, как полупрозрачные стеклянные трубы, столбов с плоскими вершинами, диаметром от двухсот метров до километра.

Чёрное небо с незнакомым рисунком созвездий.

Циклоп вырастал из тумана огромной горой, утопая в нём по плечи. Каждый столб возвышался над туманом всего метров на десять. Что скрывал туман в своей таинственной глубине, не было видно, как бы ни напрягали зрение путешественники.

– Мы на месте, – прогрехотал циклоп, держа раскрытую ладонь над туманом.

– Видим, – отозвался Самандар, озираясь. – Ты случайно не знаешь, кто сидит в каждой камере?

– Данная информация мне недоступна.

– Но, может быть, ты слышал о парне по имени Стас Котов? Он был оруженосцем Воина Закона.

– Нет, не слышал. Но в этой тюрьме не может быть заключён Воин Закона. Она для Посвящённых, не достигших ступени оперирования без ограничений.

– Кто её создал?

– Предтечи.

– Какие Предтечи? – заинтересовался Самандар. – Инсекты, Аморфы?

– Первые Думающие, задолго до Аморфов.

– Ну-ка, ну-ка, поподробней...

– Остынь, Вахид, – поморщился Василий Никифорович. – У нас нет времени для теоретических изысканий.

– Это же как раз по моей теме, – виновато покосился на него Самандар.

– Успеешь ещё заняться этой проблемой. Пошли искать Стаса.

– Как?

– Будем проверять каждую камеру. – Василий Никифорович кивнул на россыпь столбов, торчащих из тумана. – Другого пути нет.

– Не хотелось бы всё время сидеть у этого урода на ладони, – проворчал Вахид Тожиевич. – Неуютно здесь.

– Другого транспорта у нас нет.

– Может, он способен трансформироваться? – Самандар оценивающе посмотрел на циклопа. – Асат, нам неудобно стоять на твоей ладони, измени форму под летательный аппарат.

– Слушаю и повинуюсь, – проревел циклоп басом.

В следующее мгновение его тело вспухло, превратилось в клуб светящегося сизо-сиреневого дыма – кроме ладони, на которой находились земляне. Этот клуб с треском пророс ртутно-блестящей паутиной, съёжился, оделся корочкой и превратился в диск с прозрачным пузырьком кабины. Пузырь откинулся, приглашая пассажиров.

Переглянувшись, путешественники перелезли с ладони циклопа в кабину летательного аппарата, и ладонь рассыпалась тающими дымными хлопьями.

Никаких сидений в кабине не оказалось, но её высота была достаточна, чтобы люди стояли, не сгибаясь.

– Потерпим, – проворчал Василий Никифорович в ответ на взгляд спутника. – Асат, неси нас от столба к столбу.

– Слушаю и повинуюсь, – раздался в кабине тот же гулкий бас, хотя аппарат не имел ни рта, ни динамика, способных издавать звуки. Самандар был прав: голос стража границ «розы» люди слышали на мысленном уровне.

Аппарат скользнул к ближайшему столбу из мутновато-прозрачного стекла, представлявшему собой одну из камер планетарной тюрьмы, завис над ним.

Василий Никифорович напряг зрение.

С виду – глубокая шахта, освещённая свечением «стеклянных» стенок. На дне – рябь снежных барханов, застывшее озерцо с подсвеченной снизу зеленоватой водой. На берегу россыпь ледяных глыб и нечто вроде скелета, наполовину вмёрзшего в лёд озера. И ни следа жизни.

– Это и есть герой? – кивнул на скелет Вахид Тожиевич.

– Почему герой? – не понял Котов.

– Тюрьма ведь предназначена для геров, не так ли? Насколько я понимаю, её создал кто-то из Аморфов...

– Предтеч.

– Ну Предтеч, разницы мало. Причём этот создатель явно был Монархом Тьмы или же его папашей. А поскольку в любом социуме всегда находятся люди... э-э, существа, любящие свободу, они, естественно, начинают бороться с Монархом, и тот помещает их в тюрьму.

– Логично, – согласился Василий Никифорович.

– Вот мне и любопытно, кто этот герой, кому принадлежит скелет.

– Орилоуну, – отозвался Асат, ставший летающей тарелкой; он принял риторическое рассуждение Самандара за вопрос.

– Кому? – в один голос переспросили пассажиры.

– В вашей Галактике есть планета Орилоух с цивилизацией, организованной воплощёнными в разумные процессы математическими формулами. Это одна из таких материально реализованных формул.

– Бред! – хмыкнул Самандар. – Как это формула может быть разумной?

– На данный вопрос у меня нет ответа.

– Удивительный мир, – задумчиво проговорил Василий Никифорович. – Как мало мы ещё знаем. И как много, наверное, в нашей Вселенной цивилизаций и странных форм жизни. Самандар промолчал. Асат тоже. Он реагировал только на прямые вопросы.

– Полетели дальше.

Диск с пассажирами переместился к соседнему столбу.

Такая же «глубокая шахта» с молочно-белыми полупрозрачными стенами, но пейзаж внутри другой.

Засохший, чёрный, растопырчатый, шипастый лес. Несколько голых бугров с асимметричными белыми скалами на вершинах. Ничего живого. Смерть и запустение.

– Никого не вижу, – пробормотал Самандар. – Асат, кто здесь сидит? То есть сидел?

– Маатанин.

– Расшифруй.

– Представитель цивилизации маатан, «живых энергоинформационных консервов».

– Неужели есть и такая форма жизни?

– В одном из «лепестков розы», сконструированном Предтечами.

– Как он выглядел, этот маатанин?

– Чёрная глыба на холме. И он ещё живой.

Самандар и Котов с одинаковым интересом глянули на глыбу, принятую ими за каменный останец.

– Никогда бы не подумал, что это разумное существо, – признался Василий Никифорович.

– Я тоже. Почему он не двигается? Спит? Медитирует? Находится в бессознательном состоянии?

Асат не ответил. Будучи конкретной программой контроля границы «розы», он знал лишь самое необходимое, что входило в его обязанности.

– Может, попробуем его освободить? – предложил Самандар.

– С помощью наших перочинных ножинок? – скептически отозвался Котов. – Нужен синкэн-гата. И если мы будем подолгу задерживаться возле каждой камеры, никогда не проверим всю тюрьму.

– Мы и так не сможем это сделать за один раз. Нужен другой подход.

– Какой?

– Сориентируй тхабс ещё раз, пусть позовет Стаса.

– Тхабс не радиопередатчик и не громкоговоритель.

– Тогда давай пошлём Асата, пусть осмотрит камеры сам, он сделает это гораздо быстрее.

Василий Никифорович почесал в затылке.

– Иногда ты меня поражаешь, старик. Отличная мысль. Давай обыщем ближайшую группу камер и отпустим Асата, раз уж он подчиняется нам. А сами подождём.

– Асат, ты всё слышал?

– Я понял, мастер.

– Действуй.

За несколько минут они облетели все столбы местного скопления камер в количестве сорока штук и убедились, что Стаса ни в одной из них нет.

Большинство камер-столбов пустовало, их узники давно умерли, и системы жизнеобеспечения планеты-тюрьмы перестали поддерживать внутри камер даже минимум бытия.

В двух отыскались пленники.

В одной камере – беловолосый гигант ростом с пятиэтажный дом; он сидел на берегу водоема, затянутый в комбинезон из блестящих выпуклых ромбов, и ловил рыбку обыкновенной – если не считать размеров – удочкой. На глядевших на него с «крыши» камеры землян он не обратил никакого внимания. То ли не заметил, то ли привык к своему положению и не верил, что его могут когда-нибудь освободить.

– Уэллс, – хмыкнул Василий Никифорович.

– Какой Уэллс? – не понял Самандар.

– Герберт. Читал его фантастику? «Человек-невидимка», «Война миров»...

– Читал в глубоком детстве.

– У него есть роман «Пища богов». Отведавшие этой пищи люди становились великанами. Этот парень внизу очень похож на одного из таких великанов.

– Не знаю, как насчёт персонажей уэллсовских романов, но скорее всего это атлант или гипербореец. По некоторым историческим данным, они тоже были гигантами.

– Но не пятнадцатиметрового роста. Наверное, это житель какой-нибудь другой реальности, допускающей такие размеры у её жителей. Жаль, что у нас нет синкэн-гата, освободили бы паренька.

– Кто знает, что у него не уме? Может, он свихнулся от долгого сидения взаперти, видишь, как спокоен? Возьмёт и порубает нас в капусту.

– Не порубает, – покачал головой Василий Никифорович. – Здесь сидят те, кто сражался с адептами Тьмы, выражая волю Воина Закона. Они не должны превращаться в своих антиподов.

Самандар покривил губы, но смолчал. Хотя у него было своё мнение на сей счет.

Пленником второй работающей камеры оказался самый настоящий гигантский... таракан! Точнее, существо, в облике которого было очень много от земного таракана, разве что оно имело пятиметровые размеры и носило на себе нечто вроде блистающих золотом доспехов.

– Бог ты мой! – с дрожью в голосе произнес Василий Никифорович. – Да это же...

– Блаттоптера сапиенс, – закончил Самандар бесстрастно. – Наш предок.

Это и в самом деле был представитель Инсектов рода Блаттоптера – «тараканов разумных», трансформированных когда-то Монархом Тьмы в людей. Он заметил зависшую над камерой летающую тарелку с пассажирами, мгновенно взбежал по вертикальной стене камеры вверх, ударился всем телом о прозрачную твердь крыши, прилип к ней, вцепившись всеми шестью лапами. Замер, глядя на землян единственным длинным фасетчатым глазом. Посвященные тоже замерли, разглядывая предка, сохранившегося со времён расцвета цивилизации Инсектов.

– Как он выжил? – прошептал Василий Никифорович, словно пленник мог их услышать. – Ведь с момента Изменения прошли сотни миллионов лет.

– Возможно, время в камерах течёт медленнее, – предположил Вахид Тожиевич. – А возможно, он бессмертен.

– Бессмертие – миф.

– Мифы не растут на пустом месте. Вспомни Матфея, которому больше тысячи лет, Васиштху, который ещё старше.

– Но не сотни же миллионов лет. Скорее всего, создатель тюрьмы действительно играет в какие-то игры со временем. Однако нам пора двигаться дальше. Асат, высади нас на одном из столбов.

– На том, – показал пальцем Самандар.

Эта камера была вскрыта. В её крыше зияла рваная дыра, причем впечатление создавалось такое, будто по ней выстрелили сверху из огнемёта, и струя пламени расплавилась её, так что материал крыши потек вниз и застыл сосульками и причудливыми фестонами.

Летающая тарелка высадила пассажиров на крыше пробитой камеры, и Асат умчался выполнять задание землян – искать человека по имени Стас и его спутницу Марию.

Таракан-пленник остался висеть спиной вниз на крышке своей камеры, продолжая смотреть в сторону землян. Он никоим образом не походил на людей, но Василию Никифоровичу стало его жаль. Каким бы уродливым он ни казался, он был героем в те времена, когда людей ещё не существовало, и его стоило уважать.

Самандар забыл о предке, как только спрыгнул на крышу соседней камеры. Подбежал к дыре, начал её изучать, прикладывая ладонь к полупрозрачным наплывам и краям. Как Посвящённый II степени, он мог *видеть* внутреннее строение объектов, считывать их параметры без всяких приборов и определять химический состав.

Василий Никифорович прошёлся по крыше, поглядывая на внутренний пейзаж камеры: бугры, рытвины бурого цвета, горы сизого пепла, полурасплавленные камни, – потом сел на краю столба, поджав ноги. Глотнул воды из фляги, застыл, уходя мыслями в себя. Пришла идея поэкспериментировать с тхабсом, раскрыть новые горизонты оперирования этой Великой Вещью Мира.

Однако ему не дали такой возможности.

Что-то изменилось вокруг. Будто где-то открылась дверь и впустила клуб морозного воздуха, обдавший людей, заставивший их встряхнуться и оглядеться в поисках «двери».

На горизонте над пушистым морем тумана возникла точка, стремительно выросла в размерах, превратилась в летающую тарелку, а потом в циклопа.

– Уходите! – проревел он. – Я не смог его остановить!

– Кого? – оглянулся Самандар.

– Зверя Закона! Он уже здесь! Я попытаюсь задержать... – Асат не договорил.

Небо расколола колоссальная фиолетово-зелёная молния, вонзилась в ближайший столб-камеру, одев его в слой змеящихся молний, более тусклых и тонких. Этот слой молний свился в клубок, и напротив замерших людей возник из воздуха гигантский богомол!

Асат, взмахнув палицей, бросился на него и одним ударом отломил одну из мощных лап богомола с зазубренными краями. Богомол отшатнулся, разглядывая противника ничего не выражающими чёрно-блестящими глазами, затем встал на дыбы и ударил циклопа второй лапой. Асат подставил палицу, но это не помогло. Удар развалил палицу надвое и вколотил голову циклопа в плечи.

Воздух потряс гулкий грохот. Туманное море вскипело фонтанчиками. Затряслись столбы-камеры, грозя разлететься «стеклянными» брызгами.

Конечно, перед землянами сражались не существа из плоти и крови, рождённые живыми отцом и матерью, а реализованные материально информационные файлы, про-

граммы, созданные древнейшими обитателями «розы реальностей», но в данном случае это не имело значения. Они были реально и предельно опасны.

Сильно помятая голова циклопа выскочила из плеч, будто он был резиновым и кто-то его надувал. Мощная лапа дёрнулась к богомолу, ухватила его за когтистую лапу.

– Ножи! – выдохнул Самандар. – По глазам!

– Нереально... – начал Василий Никифорович.

– Ножи сделаны в матричной реальности, поэтому они являются почти идеальным оружием для «розы», так как изготовлены в условиях действия универсальных законов.

Котов колебался недолго.

– Бросаем!

Циклоп Асат каким-то невероятным усилием оторвал у богомола вторую лапу, но в это время у того отросла первая и могучим ударом разрубила циклопу плечо. В воздух выметнулась струя ало светящегося пара. Асат издал хриплый рык, от которого всколыхнулось море тумана, неловко взмахнул осколком палицы, начал падать.

Богомол повернул голову к столбу, на вершине которого стояли Посвящённые. У него стала отрастать вторая лапа.

В то же мгновение сверкнули, вращаясь, брошенные ножи, вонзились в громадные выпуклые глаза Зверя Закона, принявшего облик Инсекта. Богомол издал пронзительный скрип, уходящий в ультразвук, отшатнулся, трясая головой. Контуры его тела начали искажаться, плыть, перестраиваться, и через несколько секунд перед замершими землянами вытянулся гигантский змей с плоской мордой, напоминающей голову земной кобры. Глаз у него не было, но обидчиков своих он, судя по всему, видел.

– Уходим! – процедил сквозь зубы Василий Никифорович.

Змей метнулся вперёд, раскрывая пасть, норовя проглотить букашек-людей, но их на вершине столба уже не оказалось. Тхабс вынес обоих в земную реальность.

Глава 8

НАЁМНИК ТЬМЫ

Герман Довлатович Рыков, он же – Марат Феликсович Меринов, заместитель председателя Государственной Думы, давно вошёл в число людей, чья жизнь и смерть не зависели от слепого случая, амбиций, планов и претензий конкретных лиц, даже наделённых особыми полномочиями и властью. Будучи человеком Системы, он с помощью знаний, полученных при Посвящении в Круг, а также используя покровительство Монарха Тьмы, стал не а д Системой, в которую входили и государственная власть, и криминальное сообщество, и сам Внутренний Круг. В данном положении Союзы Неизвестных ему были уже не нужны, как инструмент корректировки реальности ради объективных выходов из тупиковых ситуаций и стабилизации социума. Но в то же время Союзы организовывали своеобразный энергетический эгрегор, подпитывающий их руководителя. Поэтому Рыков-Меринов и возглавил Союзы, став их верховным координатором, опираясь на немалые силы кардиналов, получивших Посвящение I и II степени.

В принципе, Союзы Неизвестных, в той форме, в какой они были созданы тысячи лет назад, перестали существовать после битвы иерархов с Истребителем Закона. Им на смену пришли спецкоманды иерархов Круга, взявших под контроль властные структуры отдельных государств. Но подчинялись они Рыкову, способному покарать любого, кто попытался бы поднять голову и возвысить голос против координатора. И жизнь на Земле кардинально изменилась, направляемая рукой «наёмника тьмы», ещё неспособного уничтожить её в один момент, но уже имеющего власть над душами большинства руководителей земной цивилизации.

Между тем мало кто из землян знал о существующем порядке вещей, и жизнь продолжалась.

Развивался научно-технический «прогресс». Спецслужбы воевали с террористами, получая от этого немалую выгоду. Бандиты жили припеваючи. Олигархи скупали яхты, виллы, футбольные и хоккейные клубы, веселились и с презрением плевали на законы и попытки общественности ограничить их деятельность или отнять нажитые «непосильным трудом» миллиарды. Учителя учили. Ученики терпеливо учились, не понимая, к чему ведут реформы образования, направленные на «улучшение» образовательной системы, но в действительности ведущие к деградации общества.

И над всей этой сложнейшей системой социальных институтов стояла «Тень Дьявола» – авеши Монарха Тьмы, – воля координатора Круга Рыкова. Правда, этого ему было мало, поэтому Рыков с удовольствием экспериментировал с «человеческим материалом», используя для зомбирования людей уже разработанные гипноиндукторы индивидуального пользования «удав» и «пламя», метко названные в просторечии «глушаками» и «болевиками». На очереди были эксперименты с большими коллективами людей, разработанные ещё в начале двадцать первого века командами политтехнологов, управляемых кардиналами Союзов Неизвестных. Эксперименты под названием «революция роз» – в Грузии, «оранжевая революция» – в Украине, «революция тюльпанов» – в Киргизии, а ещё раньше «малые революции» в Югославии, Чехословакии и Польше закончились успешно. На волне народного недовольства властью там были использованы прототипы зомбирующих систем, использующих распределённые элементы – телевидение, СМИ, радио, контроль сознания через лозунги, напитки, еду и оплату услуг.

В распоряжении Рыкова были уже новейшие кодирующие сознание системы, использующие принципы Великой Вещи Мира – кодона. Однако он надеялся в скором времени

завладеть и другими Великими Вещами, хранившимися в МИРах, объявить Материнскую реальность своей вотчиной и замахнуться на «розу реальностей». Для достижения этой цели оставалось только найти хранилища Вещей, уничтожить самих Хранителей и стать главой тайной власти над Землёй.

Зазвонил телефон.

Герман Довлатович (Марат Феликсович) снял трубку, сказал одно слово: «Нет», положил трубку на место. Покосился на экран компьютера. На чёрном фоне в углу дисплея светился алый паучок «чёрного файла», похожий на китайский иероглиф цюань, код вызова Монарха. Однако вот уже больше месяца Монарх не выходил на связь, не откликался на вызовы, несмотря на то что «чёрный файл» был для него чем-то вроде заклęcia, сопротивляться которому он не мог.

Марат Феликсович ткнул пальцем в клавишу селектора:

– Кофе.

Через минуту секретарша Инна, она же – личный телохранитель Меринова (Инна в совершенстве владела специфической системой рукопашного боя «амур», адаптированной под женскую психику и энергетику), принесла кофейный прибор. Склонилась над плечом, мурлыкнула:

– Кофе, Марат Феликсович.

Меринов бросил взгляд на её полуоткрытую грудь и не удержался, коснулся губами. Инна была красивой и, как говорят в таких случаях, сексапильной девушкой, от одного взгляда на которую у мужчин повышалось артериальное давление. Естественно, они были любовниками. Тем более что Марат Феликсович изменил внешность. Раньше, в облике Рыкова, он был невысокого роста, хилым, незаметным, с болезненным невыразительным лицом. Теперь же зам председателя Думы представлял собой красавца-мужчину, жгучего брюнета с волной блестящих волос, падавших на широкие плечи. Он и улыбаться научился – широко и обаятельно, что послужило дополнительным аргументом в пользу его выбора заместителем при распределении портфелей в Думе после выборов.

– Мне остаться, Марат Феликсович?

Меринов поборол искушение, качнул головой.

– Я тебя позову.

Секретарша упорхнула, длинноногая, молодая, упругая, красивая, *зовущая*.

Меринов усмехнулся, взялся за чашку с кофе.

Несмотря на то что среда третьего августа была рабочим днем, он с утра находился не в здании Думы, а в личном коттедже у Патриарших прудов, оборудованном всеми видами связи и компьютерным терминалом. Коттедж имел, кроме рабочего кабинета, три спальни, гостиную, кухню, бильярдный и каминный залы, библиотеку и оружейную комнату.

Охранялся он скрытно, так что со стороны ни одного охранника видно не было. Кроме парадного и служебного входов-выходов, имелся еще и подземный, о котором знал только хозяин. В личной охране Марат Феликсович практически не нуждался. Посвященный Внутреннего Круга его уровня мог гипнотически управлять сознанием любого незащищенного человека и предотвратить любое нападение. Однако после войны с Ликвидатором Круга Меринов (тогда еще Рыков) обзавёлся личным манипулом охраны под командованием Кости Мелешко, а также преданным во всех отношениях телохранителем, коим и стала двадцатилетняя Инна Гулая, программист по образованию, боец спецназа по призванию и стерва по поведению. Тем не менее Марат Феликсович ей верил. Точнее, знал, что она никогда его не предаст, потому что первым делом запрограммировал её на беспрекословное подчинение и безусловную преданность интересам босса.

Захотелось «стыковки». Марат Феликсович даже протянул руку к селектору, чтобы вызвать секретаршу «на ковёр», но в этот момент от компьютера ощутимо потянуло холодом, и Меринов забыл о своём желании.

Дисплей ноутбука ожил. Алый паучок в углу экрана переместился в центр, занял весь экран. Форма ноутбука изменилась. Напротив замершего хозяина кабинета уселся громадный кот с плывущими формами тела, посмотрел на Меринова чёрными глазами, от взгляда которых невозможно было отвернуться.

В голове Марата Феликсовича родился шипящий мяукающий *голос*:

«Ты еще не успокоился, наёмник? Я дал тебе силу Гамчикот², чего тебе ещё не хватает?»

Меринов взмок, усилием воли постарался скрыть и свой страх и свою радость от контакта с Конкере, создателем человечества.

– Тебе нужна моя помощь, мне – твоя. Я могу вернуть тебя в Материнскую реальность, стать твоим авешей.

«Мне не нужна твоя помощь. Скоро я сам появлюсь в твоей реальности. Пора докончить то, что я когда-то начал».

– Не понимаю...

«Вы слишком самостоятельны, потомки тараканов, и также агрессивно непредсказуемы. Пора делать новое Изменение».

– Ты хочешь... нас уничтожить?!

«Трансформировать. Интересно, сможете вы сохранить вид, сделавшись такими же маленькими, как нынешние муравьи. Но кого-нибудь из вас я оставлю для контроля за процессом. Будешь полезен, я оставлю тебя».

Меринов облизнул пересохшие губы.

– Я всегда... был полезен... я делал то, что ты приказывал...

«Продолжай в том же духе».

– Что прикажешь?

«Пока работай самостоятельно, я занят расчисткой плацдармов. Жди».

– Мне кое-что нужно... для более точного и быстрого исполнения твоих заданий.

«Конкретнее».

– Синкэн-гата, устранитель препятствий... другие Великие Вещи...

Кот-призрак открыл пасть, показывая почти человеческую улыбку.

«Нейтрализатор высших непреодолимостей уже у меня, он тебе не понадобится. О каких других Вещах идёт речь?»

– Ну, я знаю, что существует Иерихонская Труба... ещё её называют Свистком...

«Свисток – это система вызова Изначально Первого, она тебе тоже ни к чему».

– Тогда Книга Бездн, называемая также Бибколлектором, Щиты Дхармы, то есть Высшей Защиты... Интегрatron или Врата наслаждений...

«Ты вполне можешь обойтись и без них, имея тхабс».

– Укажи хотя бы, в каком из МИРов они находятся, я завладею ими сам.

«Тебе придётся сражаться с Хранителями».

– Это моя проблема.

«Интегрatron хранится в МИРе Ликозидов, под районом Москвы, который вы называете Строгино».

– Под Троице-Лыковской церковью? – удивился Марат Феликсович. – Но я там был неоднократно и видел лишь саркофаг царя Ликозидов...

² Гамчикот – «дьявольское милосердие» (Каббала).

«Он открыт лишь в определённый момент времени – в прошлом. Это секрет Хранителей. Все Великие Вещи Мира, оставшиеся им в наследство, хранятся не только в определённой точке пространства, но и в определённом моменте времени».

– Как же к ним подобраться?

«У тебя есть тхабс».

– Но я не...

Кот-собеседник сверкнул ставшими ярко-красными глазами, потерял чёткие очертания, превратился в ноутбук. На экране компьютера всплыла алая надпись: «Я скоро приду!» – потекла каплями, собралась в алого паучка, погасла.

Меринов выругался, откинулся на спинку стула, чувствуя странную усталость, будто он не меньше часа рубил дрова. Выключил ноутбук. Проговорил вслух:

– А ведь ты чего-то боишься, дьявол, раз отказываешься дать мне доступ к Вещам. Интересно, если ты реализуешь новое Изменение, кем я буду править? И на хрена мне это нужно?

В кабинет заглянула Инна:

– Вы меня звали, Марат Феликсович?

Меринов очнулся.

– Заходи.

Через минуту они сжимали друг друга в объятиях на толстом, ворсистом, роскошном ковре посреди кабинета...

Мелешко не отвечал, и Марат Феликсович позвонил своему помощнику в Думе:

– Лёва, где Константин?

– Не знаю, Марат Феликсович, – виновато отозвался Лев Виссарионович Столин, прозванный Сталиным за сходство с прототипом. – Я его со вчерашнего утра не видел.

– Найди, он мне нужен.

– Слушаюсь. Когда вас ждать в Думе?

– Не знаю, планы изменились. Я хочу провести эксперимент сегодня, часа через два. Предупреди Симона.

– Будет сделано.

Меринов бросил мобильник на стол, глянул на часы. После разговора с Монархом он действительно изменил планы на день и теперь хотел проверить работу «Большого глушака», способного гасить сознание целых коллективов людей, а также отсасывать у них энергию. Комплекс «отсоса» был смонтирован в самом высоком здании Сити-центра, где у Меринова тоже была своя резиденция, и знали об этом всего три человека, принимавшие участие в разработке системы зомбирования. Строители и монтажники, устанавливавшие её в здании, понятия не имели, чем занимались, считая, что монтируют аппаратуру телецентра. К тому же все они были закодированы и вскоре после монтажа все как один забыли о своей работе.

– Поехали, – сказал Меринов, появляясь в холле коттеджа, играющем также роль приёмной.

Инна с готовностью выскочила из-за столика с пластиной ноутбука и селектором связи. Прижалась к нему горячим телом. Она была ненасытна, как пантера, и могла заниматься сексом несколько часов кряду. Но Марат Феликсович уже утолил утренний сексуальный голод и думал о другом.

– Не мешай.

Секретарша мгновенно превратилась в деловую женщину, перестала соблазнять шефа своими прелестями, распахнула входную дверь.

– Куда едем?

– В Сити.

Охранник, предупреждённый об отъезде хозяина, подогнал агрессивного вида «Кадиллак STS-V» цвета «платиновой седины». Инна села за руль, включила CD-чейнджер: Меринов любил слушать громкую ритмичную музыку.

Водила автомобиль она по-мужски решительно и нагло, профессионально, часто нарушая правила. Но инспекторы ГАИ машины Меринова, снабжённые депутатскими «опознавалками», не останавливали.

Свистнул мобильник.

Инна приглушила музыку, реагируя на всё происходящее в «сфере охраны» с похвальной быстротой.

Меринов поднёс трубку к уху.

– Прошу прощения, Марат Феликсович, – послышался подобострастный голос Столина. – Через час будет голосование по законопроекту «Б». Вы будете?

Меринов хотел ответить «буду», и в этот момент вдруг в голову пришла идея испытать кодон-систему «Большого глушака» на депутатах Думы. Законопроект, о котором шла речь, представлял собой базовую стратегию государства в области национальной безопасности, и его надо было «завалить», поскольку он не устраивал главного кукловода Думы – самого Меринова.

Законопроект этот предложил секретарь Совета безопасности Фоменко, разработавший систему вполне определённых критериев оценки безопасности страны, в которую входили системный подход к защите экономики, устранение диспропорций в развитии регионов, увеличение финансирования российского научно-технического потенциала, решение демографической – в первую очередь – и экологической проблем, а также борьба с терроризмом. В основе всех этих проблем лежал объективный спад доверия граждан ко всем структурам власти и государственным институтам, а ликвидация проблем выбивала почву из-под ног противников России, первым из которых был Марат Феликсович Меринов.

– Лёва, я занят, – сказал он. – В двенадцать часов будь готов покинуть зал заседаний.

– Зачем?

– Не задавай глупых вопросов.

– Хорошо, – после паузы ответил Столин, панически боявшийся шефа.

– Вы хотите нанести пси-удар по Думе? – улыбнулась Инна.

– Догадливая, – проворчал Марат Феликсович, несколько озадаченный прозорливостью секретарши. Конечно, у него был разработан план экспериментов по зомбированию населения, в который входило тестирование системы на коллективах школ, общежитий высших учебных заведений, театров, заводов, станций метро, воинских частей, но можно было начать и с Государственной Думы, в зале заседаний которой иногда собиралось более трёхсот человек.

Комплекс «Большого глушака» занимал почти весь двадцать девятый этаж здания-иглы Сити-центра. Охранялся он скрытно, как и другие объекты, принадлежащие Рыкову-Меринову. Программировал его и отлаживал Симон Степчук, доктор биологических наук, специалист в области полевых взаимодействий, ученик знаменитого своими экспериментами с омоложением академика Гаряева. В середине девяностых годов прошлого века он уехал в Канаду, оказавшись невостребованным на родине, где и отыскал его кадровый вербовщик Рыкова, предложив вернуться в Россию на любых условиях. Симон (его редко называли по имени-отчеству – Симон Потапович) согласился и с тех пор работал в лабораториях Рыкова, позже – Меринова, принимая участие в доработке суггесторов «удав» и «пламя». Он был редкостным трудоголиком, энтузиастом дела, мог сидеть за компьютером по десять дней кряду, не выходя из лаборатории, а главное, никогда не интересовался, где и для чего будут

применяться созданные им устройства. Ему был важен результат, а не последствия применения того или иного прибора.

Меринова и его спутницу охрана самого высокого в Европе здания пропустила без досмотра и контроля. Ему достаточно было бросить взгляд на охранников, контролирующих вестибюль здания, чтобы те потеряли к нему всякий интерес. Однако с изменением внешности он изменил и имидж, предпочитая, чтобы его узнавали и реагировали, как на появление президента. Что, собственно, и происходило каждый раз, когда «Кадиллак» заместителя председателя Думы въезжал в подземный паркинг здания-иглы.

Поднялись на двадцать девятый этаж.

Вежливый молодой человек в синей униформе (формально он работал на БОКС – Бюро охраны коммерческих структур, неформально – служил бойцом манипула охраны Меринова) привстал за кольцевым столиком монитора, открыл дверь в круглый холл этажа с рядом кремового цвета дверей. Марат Феликсович вошёл в дверь с табличкой «Оперслужба БГ».

Помещение за дверью было невелико и представляло компьютерный терминал, позволяющий его хозяевам работать в параллели с мощными вычислительными системами большинства научных институтов страны. Все пять столов с объёмными дисплеями были заняты мужчинами и женщинами в белых халатах, с ажурными шлемами на головах. Ни один из операторов не посмотрел на гостей и не поздоровался. Люди были заняты делом.

В углу помещения открылась ещё одна неприметная дверь.

Меринов и секретарша прошли дальше, приостановились на галерее, опоясывающей центральный зал этажа со сложной многохоботной установкой в центре, сверкающей стеклом, хромированными деталями, золотыми гофрами и ослепительно белым фарфором ажурных конструкций. Это и был «Большой глушак», генератор пси-излучения, способный посылать зомбирующий луч в любую точку города и даже в другие города страны, а также «отсасывать» пси-энергию объектов, попавших под луч. По залу ходили люди в бежевого цвета халатах, но до галереи не долетал ни один звук: работала особая система защиты помещения, не позволявшая его прослушивать ни одному существующему аудиосканеру.

– А это что такое? – спросила Инна, замороженная зрелищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.